Исследование проблем белорусско-польского пограничья в контексте расширения Евросоюза

Исследование проблем белорусско-польского пограничья в контексте расширения Евросоюза

Исследование проведено участниками Рабочей группы НПО СНГ по предотвращению и урегулированию конфликтов (далее — РГ НПО), которая представляет собой форму сотрудничества лиц, неправительственных организаций и ассоциаций НПО стран и регионов СНГ с целью объединения и координации усилий по предотвращению и урегулированию конфликтов.

Белорусско-польское пограничье (краткая историческая справка)

Во времена раннего средневековья территория будущего белорусско-польского пограничья была заселена преимущественно православными восточными славянами. В XIV в. регион входит в состав Великого Княжества Литовского. Западная часть региона формирует историческую область Подляшье, ставшую местом активной польской колонизации. Часть области (Бельск, Белый Сток) в последующие столетия входит в состав Королевства Польского.[1]

В XVI-XVIII вв. большая часть политической элиты (шляхты) принимает католицизм и отождествляет себя с польской культурой. После Брестской церковной унии 1596 г. практически все православное население принимает униатство.

В результате третьего раздела Речи Посполитой 1795 г. большая часть региона входит в состав Российской империи.[2] В 1839 г. российские власти ликвидируют Унию, большая часть униатов принимает православие, остальная — католицизм. С зарождением польского национального движения католицизм начинает все более отождествляться с польской, а православие — с русской культурой, хотя лидеры белорусского национального движения XIX в. принадлежали к обеим конфессиям.

---

[1] В XIV-XVI вв. Королевство Польское и Великое Княжество Литовское заключают ряд договоров, которые впоследствии приводят к созданию конфедеративного государства – Речи Посполитой.

[2] Полное вхождение региона в состав Империи произошло в начале XIX в.

По Рижскому мирному договору 1921 г. между советским правительством и Польшей вся западная часть Беларуси входит в состав Польского государства. В 1921-39 гг. местное непольское население подвергается с одной стороны полонизации, с другой — политической и культурной дискриминации.

В результате советско-германского договора о разделе Польши и с началом в 1939 г. второй мировой войны, вся Белосточчина и Гродненщина входят в состав Белорусской Советской Социалистической Республики.

В условиях немецкой оккупации 1941-44 гг. регион входит в состав провинции Восточная Пруссия, округ Белосток.

В августе 1945 г. по советско-польскому договору Белосточчина входит в состав польского государства, устанавливается новая граница, которая существует до настоящего времени.

Гродненская область, Беларусь (общая характеристика региона)

Население Гродненской области составляет около 1 млн. 180 тыс. человек. Из них (по переписи 1999 г.) около 62% составляют белорусы, 10% — русские, 24.8% — поляки.[3]

Описание национальной ситуации в регионе несколько усложняется вследствие русификации части белорусов и поляков, а также неоформленности польского национального сознания в регионе. Так, около 65% поляков области родным языком считают белорусский, 16% — русский и только 18% — польский. В бытовом общении белорусский язык используют 61% белорусов, 58% поляков и 8% русских. Кроме того, в повседневном общении 36% поляков используют русский и только около 6% — польский язык. Важную роль в поддержании польской идентичности играет римско-католическая церковь (поляки составляют около 1/3 католиков в Беларуси). По всей видимости, большая часть поляков имеет ослабленную либо смешанную (белорусско-польскую) идентичность.

[3] Часть польских организаций указывают на нарушения в проведении переписи и, как результат, занижение численности поляков в регионе. Кроме того, польские организации отмечают, что после 1939 г. советская власть искусственно занижала численность поляков. Правда, аналогичные действия в отношении белорусов проводились польскими властями в 1921-39 гг.

Ослабление идентичности характерно для всех национальностей региона, самосознание практически всех национальных групп достаточно размыто (хотя является более сильным, чем в других регионах Беларуси). В целом, население имеет низкий уровень политической и культурной активности, что сохраняется и усиливается политикой государства в данной сфере.

Национальный состав в некоторых районах Гродненской области, где проходила миссия

Город Гродно: население около 300 тыс. (белорусы 56%, поляки 22%, русские 18%). Мостовский район: население около 41 тыс. (белорусы 71%, поляки 21%, русские 6%).

Волковысский район: население около 85 тыс. (58% белорусы, 28% поляки и 11% русские). Город Волковыск: население около 47 тыс. (60% белорусы, 25% поляки, 12% русские). Вороновский район, расположенный на границе с Литвой, представляет собой территорию со значительным преобладанием польского населения. Из около 37 тысяч населения (данные приводятся по результатам переписи 1999 года) поляки составляют 82,96%, белорусы — 10,53% русские — 3,28%. Это единственный в Беларуси район, где представители польского национального сообщества составляют абсолютное большинство, как в сельской местности, так и среди городского населения, что способствует развитию польского движения. В городе Лида со стотысячным населением поляки составляют 38,3% населения, белорусы — 44,16%, русские — 13,98%, в Лидском районе польское национальное меньшинство составляет 42,14%, белорусы — 50,73%, а русские — 5,61%. Лида и Гродно являются двумя крупными городами, где поляки составляют значительную часть населения. Гродно является организационным и культурным центром польского движения, здесь находится руководство «Союза поляков на Беларуси» (обеих его частей после раскола), действует польская школа, проходят наиболее значительные мероприятия.

Этнокультурная ситуация в регионе

Поляки. Как показывают статистические данные и специальные исследования, национальное сознание поляков региона достаточно размыто. Значительное число белорусских поляков имеет двухуровневую идентичность, которая включает в себя как этнические польские элементы: интерес к польскому языку,

культуре, происхождению, так и белорусские: принятие независимой государственности Беларуси, ощущение исторической общности с белорусами, уважение к белорусской культуре. Поляки активно участвовали в белорусском национальном движении (особенно начала 90-х), часть из них активно поддерживала возрождение белорусского языка, усиление белорусского элемента государственности. Активисты Союза поляков (наиболее значимой польской национальной организации) являлись участниками белорусских культурных и политических организаций.

В настоящее время в политическом дискурсе достаточно часто «польскость» ассоциируется с «оппозиционностью» и «нелояльностью» (по крайней мере, культурной) существующей государственной системе.

Уровень межнационального напряжения между поляками и другими национальностями региона достаточно низкий, хотя поляки (либо католики в целом), как правило, характеризуются как более «настырные», «предприимчивые», «нахальные», что объясняется их принадлежностью к «западной культуре» и ценностям. Для негативной характеристики чаще всего используются определения «мазур»[4] либо «пан».[5] В свою очередь, для поляков и католиков характерно ощущение некоторого культурно-бытового превосходства: «более чистые дома», «порядок во дворе», «опрятность», большее внимание к культуре поведения, речи, одежды и т.д. Православные, в свою очередь, могут наделяться такими характеристиками, как лень, религиозная пассивность, неаккуратность и т.д.

Русские. Русские являются третьей по численности национальной общностью. Их влияние заметно в крупных городах, в частности, в Гродно, где их община достаточно структурирована. Они в значительно большей степени склонны поддерживать политику государства и не имеют проблем в реализации своих национальных потребностей. Уровень напряженности между русскими и другими национальными группами невысокий, хотя в некоторой степени ощутим на бытовом уровне. Наиболее часто русских символически связывают с советским государством, армией, отставными военными и неместными, «приехавшими после

---

[4]Понятие отражает неместное, собственно польское происхождение, которое характеризуется в массовом сознании некоторыми элементами шовинизма и пренебрежительным отношением к «местному».

[5]Указание на стремление занимать привилегированное, более высокое культурное и социальное положение.

войны», иногда говорится об их неоправданном доминировании в структурах власти. В качестве негативных названий используются, прежде всего, «кацапы»[6] и реже «русаки».

В небольших городах активность и идентичность русских значительно слабее, большинство из них стремятся быстро интегрироваться в местное сообщество и не демонстрировать отличное самосознание.

Мигранты. Количество новых мигрантов в регионе незначительно и, как правило, незаметно. Исключение составляет Гродно, где наблюдается определенный уровень негативного и агрессивного отношения к «приезжим», «черным» и т.д. Для пограничного региона характерна также транзитная миграция для дальнейшего переселения в страны Западной Европы.

Проблема белорусской культуры и языка

Отдельно стоит проблема дискриминации и ограничения белорусской культуры. С середины 90-х годов белорусская культура и язык рассматриваются властями как признак «оппозиционности», «негативности» к существующей политической системе. Власти не стимулируют, а в определенных случаях и подавляют проявления национальной и культурной активности. Практически полностью ликвидированы школы с белорусским языком обучения в городах, отсутствует возможность получения высшего образования на белорусском языке, властями не приветствуется использование языка в публичной и официальной сфере.

С начала 90-х годов статус белорусского языка и культуры являлся предметом острых политических дискуссий, которые сохраняют свое значение и в настоящее время. В большинстве школ белорусский язык преподается как предмет, на нем также ведется ряд других дисциплин: белорусская литература и история.

Лингвистическая ситуация

Лингвистическая ситуация сильно различается в городах и сельской местности. Если в сельской местности большинство населения в бытовом общении использует белорусский или смешанный («простой», «наш», «местный») язык с белорусской

---

[6]Название, указывающее на отношение к русской культуре и (или) православию. В Беларуси оно использовалось для обозначения этнических русских (прежде всего, староверов), в Польше «кацапами» называют, как правило, всех православных и восточных славян.

основой и влиянием русского и польского, то в городах среди всех национальных групп доминирует русский. Так, в Гродно белорусский язык в общении дома используют только 17% белорусов, 2% русских и 16% поляков (польский используют около 5% поляков).

В официальной сфере используется преимущественно русский, реже – белорусский, прежде всего, в сфере образования и культуры. В целом, государство стимулирует распространение русского языка и вытеснение всех остальных национальных языков.

Большинство печатных изданий региона используют русский либо белорусский и русский языки. Издается только одна газета на польском языке «G³os z-nad Niemna» (с 2005 под контролем государства), основанная Союзом поляков на Беларуси. Кроме того, польский язык используется в костеле. Использование польского языка в публичных местах, на улице может вызывать раздражение на бытовом уровне (аналогичную ситуацию, только с белорусским языком, можно наблюдать в Польше).

Система образования

Практически все городские школы — с русским языком обучения, в сельской местности — с белорусским. В Беларуси существуют две школы с преподаванием на польском языке — в Волковыске и Гродно. В остальных школах польский язык преподается либо в качестве предмета, либо факультативно. Отмечаются различные препятствия, которые создают местные власти расширению преподавания на польском и белорусском языках.

В школах, классах с польским языком обучаются как поляки, так и белорусы, та же ситуация складывается с факультативными занятиями. Мотивы изучения языка разнообразны и колеблются от желания узнать культуру своей (соседней) нации до перспектив эмиграции. В настоящее время польский язык является не только и не столько языком национального меньшинства, сколько языком, который открывает перспективы в трудоустройстве и образовании. Знание польского языка, в частности, дает возможность поступать в польские высшие учебные заведения.

Религиозная ситуация

В целом по стране доля православных (по культурной идентификации) составляет около 80%, доля католиков — около 15%. Около 1/3 католиков составляют поляки, остальные — белорусы. Западный регион Беларуси отличается значительно большей религиозностью по сравнению с другими частями страны. Здесь расположено не только большинство католических, но и православных общин.

В Беларуси православие представлено только Московским патриархатом, попытки создания автокефальной белорусской церкви последовательно пресекаются властями. Власти также препятствуют развитию униатства (греко-католичества). В своей работе православная церковь использует церковнославянский и русский, значительно реже белорусский языки. Лингвистическая (национальная) политика римско-католической церкви различается в зависимости от региона. В крупных городах, и прежде всего в Минске, используется белорусский язык. На западе страны используется польский язык, многие священники в этом регионе имеют польское гражданство.

Между католицизмом и православием существует асимметрия, касающаяся культурной и религиозной активности. Католики значительно более религиозны, чем православные, кроме того, в случае смешанных браков православный супруг (супруга) значительно чаще принимает католицизм, чем наоборот. С культурной точки зрения, католицизм часто связывается с «польскостью», православие — с «русскостью», поэтому отдельные характерные черты и представления о поляках часто переносятся на всех католиков, а мнения о русских — на всех православных. Считается, что белорусы могут быть как католиками, так и православными, в то время как поляки — только католиками, а русские — только православными.

В настоящее время власти стимулируют развитие православной церкви, создавая для нее различные привилегии, в том числе и экономического характера. Государственная поддержка православной церкви ставит ее в более привилегированное положение по сравнению с другими конфессиями. В конце 90-х активно поддерживались различные антикатолические инициативы, главным образом, издательские и пропагандистские, создавались препятствия для служения в Беларуси польских священников.

Национальные меньшинства и власть

Все национальные группы представлены в органах исполнительной и представительской властей. Система власти формируется на принципах политической лояльности, дискриминация по национальному признаку практически отсутствует.

Иногда проявляется некоторое отчуждение национальных меньшинств, прежде всего, поляков, от белорусского государства. Несмотря на то, что государство постоянно декларирует многонациональный и многоконфессиональный характер белорусского общества, реально подчеркивается его восточнославянская основа с некоторыми антикатолическими элементами. Это характерно для политической риторики властей, образовательной политики и идеологии. Из государственного контекста часто исключается не только польская идентичность, но и католическая белорусская.

Часть поляков идентифицируют себя с польским государством и индифферентно относятся к белорусской государственности. В некоторой степени это связано с сохранением памяти о 20-30-х годах XX в., когда западная часть Беларуси входила в состав Польши.

В существующих условиях основные препятствия (если такие имеют место) в реализации национальных потребностей национальные меньшинства связывают с деятельностью властей. В свою очередь, власти заинтересованы в лояльности национальных меньшинств, в этой связи имеет место прямое вмешательство государственных структур в деятельность национальных общин, особенно Союза поляков на Беларуси.

***

В целом в регионе сколько-нибудь существенной конфронтации на национальной, этнической и религиозной основе не наблюдается. Как правило, подчеркивается мирный характер существования на Гродненщине различных групп. Национальные группы практически не отмечают давления или дискриминации при непосредственном взаимодействии друг с другом.

Национальная принадлежность в отношениях на официальном и бытовом уровнях играет незначительную роль. Символика национальной принадлежности используется в конфликтах, как правило, для характеристики индивида, а не группы. Негативные предубеждения редко выливаются в антагонистические противоречия и практически не принимают идеологической фор-

мы. Вследствие длительного совместного проживания в целом сложилась толерантная культура национального взаимодействия, что не исключает наличия предрассудков и бытовых конфликтов.

Предубеждения по поводу смешаыных браков имеют ограниченный характер (как правило, родители-католики могут быть против брака их детей с православными).

Белосточчина (Белостокское воеводство, Польша).

На Белосточчине проживает около 150-200 тысяч православных, из них около 50 тысяч белорусов (по данным переписи 2002 г.). Национальная идентичность остальных 100-150 тысяч определяется как польская. Наиболее явно это проявляется в больших городах: например, в Белостоке только 18-20% православных считают себя белорусами. В целом, в регионе около 1/3 православных заявили о своей белорусской национальности.

Данные социологических исследований и электорального поведения дают основания полагать, что около 50-100 тысяч православных имеют переходную либо смешанную (белорусско-польскую) идентичность.

В настоящее время православные составляют менее 10% населения Белостокского воеводства и проживают главным образом в восточных районах, примыкающих к белорусской границе. Основными центрами белорусской культуры являются города Бельск и Гайновка. Город Гайновка (население около 22,5 тысяч человек), а также прилегающие районы составляют часть компактного проживания белорусского национального и православного религиозного меньшинства. Гайновка является одним из центров белорусской культуры в Польше, белорусские организации представлены в местных органах управления, действует белорусская гимназия, а также идет создание музея белорусской культуры. В городе православные составляют около 60% населения, белорусы — 26,41%. Белорусы компактно проживают в пределах восточной части гайновского повета, в ряде гмин они составляют абсолютное большинство населения (в частности, в гмине Чижи, Дубичи-Церковные более 80%). Белосток является организационным центром белорусского движе-

ния и местом размещения центральных органов значительного числа белорусских организаций.

В целом Белосточчина характеризуется устойчивыми религиозными, национальными традициями и определенной консервативностью. Вместе с тем, регион является одним из самых бедных в Республике Польша.

Белорусское меньшинство

Белорусская диаспора, несмотря на немногочисленность (50 тысяч человек с национальной и еще около 50-100 тысяч с ослабленной и смешанной идентичностью), достаточно развита как в культурном, так и в политическом плане. Белорусы — единственное национальное меньшинство в Польше, которое в 80-х годах создало антикоммунистическую системную оппозицию. В настоящее время белорусы активно участвуют в избирательных компаниях, действует Белорусский избирательный комитет. Кроме того, существуют литературное, историческое, фольклорные общества, издаются непериодические журналы, монографии на белорусском языке. Выходит еженедельная белорусскоязычная газета «Ніва», выпускаются радио- и телепередачи на белорусском языке и т.д.[7] Действуют белорусские кафедры в университетах Белостока и Варшавы.

Диаспора белорусов на Белосточчине имеет особое значение для белорусской культуры, так как активно включена в современные культурные и общественные процессы в Беларуси.

Лингвистическая ситуация

В бытовом общении белорусы преимущественно используют местные диалекты белорусского языка. Белорусский язык в основном используется для общения внутри национального сообщества. Для общения на официальном уровне либо с приезжими используется польский язык. Белорусский язык используется национальными организациями во время предвыборной агитации. Польский язык доминирует во всей официальной сфере.

Религиозные институты региона редко используют белорусский язык. Католическая церковь использует только польский, православная – церковнославянский, русский, значительно реже белорусский языки. В настоящее время иерархи польской пра-

[7] Создание «Белорусского общественно-культурного товарищества» и «Нівы» было разрешено еще коммунистическими властями Польши в 50-х годах.

вославной церкви выступают за постепенное введение польского языка в качестве основного. Польская православная церковь почти не поддерживает белорусское национальное движение.

Этнокультурные представления и стереотипы

В своих стереотипах поляки, как правило, считают белорусов слабо организованной, нечеткой общностью без культурной традиции. То есть, в целом «худшим», по сравнению с ними, народом, хотя часто белорусы не выделяются из общей массы.

Негативная характеристика православного и белорусского меньшинства дополняется генеалогическими мифами. На бытовом уровне культивируется мнение о переселении в регион православных властями Российской империи, что не соответствует действительности, либо о русификации поляков в то время. Кроме того, православные и белорусы идентифицировались с «коммунистами», «советами», «русскими» и т.д., некоторые такие стереотипы сохраняют свое значение и до настоящего времени[8]. В качестве негативного названия для белорусов достаточно широко используется слово «кацапы», которое является общим для обозначения всех православных и восточных славян.

Белорусы, в свою очередь, сохраняют память о насильственной ассимиляции, «осадничестве» (переселении польских колонистов) и дискриминации, репрессиях против белорусских организаций и национальных активистов. После второй мировой войны на Белосточчине действовало несколько групп, которые ставили своей целью насильственными методами изгнать белорусов из региона, их деятельность сопровождалась сжиганием деревень и убийством людей. В 80-е годы были случаи поджогов церквей и угроз в адрес православных. Память о событиях прошлого накладывается на восприятие межнациональных и религиозных отношений в настоящее время.

Система образования

Польское законодательство закрепляет за национальными меньшинствами право на получение образования на родном языке. Система национального образования для белорусов Польши

---

[8]Необходимо отметить, что ввиду дискриминации и достаточно низкого уровня экономического развития региона левое движение было здесь самым значительным в межвоенный период. В результате представители белорусского и православного меньшинства принимали более активное участие в укреплении власти Польской Народной Республики в регионе в послевоенное время.

представлена сетью примерно 40 школ с дополнительным изучением белорусского языка как предмета с преподаванием основ белорусской культуры, литературы и истории. Остальные предметы преподаются по-польски.

Белорусское меньшинство и власть

Белорусы и православные Белосточчины составляют электорат левых политических партий. Главным образом это связано с высокой степенью клерикальности правого политического спектра региона[9].

Белорусы представлены в органах местного самоуправления на уровне гмин (малая административная единица), имеют своих депутатов в городских органах, войтов. Собственно белорусское политическое движение представлено Белорусским избирательным комитетом, который также имеет своих представителей в органах власти.

***

В целом в отношениях между религиозными и национальными группами региона присутствует напряжение, которое не исключает конфликтов и проявления дискриминации на бытовом и официальном уровне. Значительная часть политических организаций региона считает белорусский и православный элемент чуждым и никак не интегрирует его в местный культурный и социальный контекст. Общий уровень антиправославных настроений в регионе значительно выше, чем в Польше в целом, хотя открытые формы противостояния в настоящее время не принимает.

Реальное политическое противостояние наблюдается только в регионах, где численность белорусского (православного) и польского населения приблизительно равны. Главным образом оно касается кадровой политики в местных органах власти и распределения финансовых ресурсов, а также отражается в деятельности радикальных политических групп.

---

[9] В 80-х гг. православные Белосточчины практически не участвовали в деятельности «Солидарности». «Солидарность» в регионе носила четко выраженный католический характер, были распространены слухи и возможных репрессиях «Солидарности» в отношении некатоликов в случае прихода к власти. В свою очередь, католики были довольно активны, достаточно вспомнить, что из этого региона происходит известный ксендз-правозащитник Ежи Попелушка, замученный спецслужбами во времена военного положения.

Конфликт белорусских властей с Союзом поляков на Беларуси.

Краткая информация. Союз поляков на Беларуси (• wi¹zek Polaków na Bia³orusi) был создан 16 июня 1990 года как национально-культурное объединение польского национального меньшинства в Беларуси и до последнего времени оставался основной организацией поляков Беларуси.

Как и для других национальных организаций, главными задачами СПБ является сохранение польского языка и культуры, развитие образования и другая деятельность, направленная на удовлетворение культурных потребностей польской общины. С начала 90-х руководство СПБ выступало за расширение сотрудничества Беларуси и Польши, а также за демократические преобразования и построение гражданского общества. Лидером организации был избран Тадеуш Гавин. Устанавливаются контакты между СПБ и некоторыми политическими организациями демократической направленности, что стало особенно актуально поле конституционного кризиса 1996 года и усиления в Беларуси авторитарных тенденций.

С конца 90-х усиливается стремление властей Беларуси обеспечить политический контроль над организацией польского национального меньшинства. В результате в 2000 году на очередном съезде Союза поляков на Беларуси было избрано новое руководство организации, председателем СПБ стал Тадеуш Кручковский. На очередном съезде в марте 2005 года было избрано новое руководство во главе с председателем Анжеликой Борис. Изменение руководства, однако, не было признано белорусскими властями, которые стали настаивать на проведении повторного съезда. Избранное в марте руководство, в защиту которого выступили власти Польши, не согласилось с таким решением. Ситуация спровоцировала конфликт белорусских властей с частью польского национального меньшинства и значительное ухудшение польско-белорусских межгосударственных отношений.

Ситуация с избранием новых органов. Очередной съезд СПБ, согласно уставу, должен был пройти в ноябре 2004 года, но по решению председателя Т. Кручковского был перенесен на весну 2005. При подготовке съезда были отмечены первые факты давления властей на активистов СПБ и потенциальных делегатов в пользу Т. Кручковского (в частности, незадол-

го до съезда двое наиболее активных критиков политики руководства СПБ 2000-2005 были подвергнуты административному аресту). Тем не менее, на VI съезде 12-13 марта в Гродно путем тайного голосования было избрано новое руководство организации, председателем стала Анжелика Борис.

Министерство юстиции стало на сторону Т. Кручковского и отказалось признать итоги съезда 12-13 марта, предложив провести повторный съезд организации. Новое руководство, в свою очередь, выступило против этой идеи, считая претензии Министерства юстиции необоснованными и политически мотивированными. Несмотря на вмешательство польской стороны и позицию значительной части членов СПБ, в мае 2005 года Минюст повторно отказал в просьбе признать решение съезда и его руководства. Свою позицию белорусские власти мотивировали нарушениями устава СПБ при избрании делегатов съезда, что могло повлиять на результаты голосования. Соответственно, Минюст принял решение о восстановлении прав прежнего председателя СПБ, это же касалось и других кадровых назначений.

Летом 2005 конфликт продолжался. Прежнее руководство СПБ совместно с местными исполнительными органами осуществляли давление на региональные структуры СПБ для проведения повторного съезда, а также вытеснение нового руководства из помещений СПБ. Наибольший резонанс имел штурм сотрудниками ОМОНа здания Союза поляков Беларуси в Гродно. Штурм произошел 27 июля, при этом 20 человек, которые находились в здании, осуществляя круглосуточное дежурство, были задержаны.

Повторный съезд СПБ прошел 26-27 августа в г. Волковыске, его подготовка и проведение осуществлялось, главным образом, исполнительными органами. На самом съезде присутствовал министр культуры и председатель Комитета по делам религии и национальностей. В день и накануне проведения повторного съезда для предотвращения акции протеста были задержаны пять наиболее активных членов СПБ, кроме этого, под арестом находился бывший председатель СПБ Т. Гавин. В целом правоохранительные органы предотвратили приезд в Волковыск около 50 человек, главным образом, нелояльных активистов СПБ, журналистов, представителей белорусских демократических организаций.

Вместе с этим при выдвижении делегатов на повторный съезд были отмечены многочисленные нарушения. По информа-

ции активистов СПБ и журналистов, в большинстве случаев при выдвижении делегатов отсутствовал необходимый кворум (50%), в заседаниях активное участие принимали представители «идеологической» вертикали, а списки делегатов формировались местными администрациями. Часть крупных организаций (в частности, Минская городская) отказались от участия в повторном съезде, признавая руководство, избранное в марте. Несмотря на это, Министерство юстиции без замечаний признало легитимным избрание нового руководства СПБ, председателем стал Юзеф Лучник.

Фактически с марта по август произошел раскол организационных структур СПБ по вопросу признания нового руководства. Часть членов СПБ подчинилась решению властей и выразила готовность сотрудничать с руководством, избранным в августе. Другая часть не признала результатов повторного съезда и в 2005 году испытывала на себе различные формы административного воздействия со стороны властей. С осени 2005 года заседания непризнанного властями Совета СПБ во главе с председателем А. Борис проходили за пределами Беларуси.

Обострение белорусско-польских отношений. Конфликт белорусских властей с Союзом поляков на Беларуси серьезно осложнил отношения Беларуси и Польши. С начала 90-х годов Республика Польша является основным донором польской общины (в том числе и в вопросах собственности) и тесным образом сотрудничала с СПБ. После съезда СПБ в марте 2005 года представительство Польши в Беларуси признало новое руководство союза и выступило в его поддержку. Последующие попытки властей вмешаться в деятельность СПБ были расценены как недружественный акт в отношении Польши и ущемление прав польского национального меньшинства. В связи с конфликтной ситуацией вокруг СПБ летом польский посол был даже отозван из Минска для консультаций. В рамках этого конфликта были высланы три польских и три белорусских дипломата. Кроме того, белорусские власти обвинили Польшу в финансировании и поддержании «подрывной» деятельности в Беларуси. В ответ Польша составила список лиц, причастных к давлению на СПБ, которым на три года был запрещен въезд на территорию Польши. Среди них Т. Кручковский, министр юстиции Беларуси, ряд сотрудников КГБ и представители других государственных органов. Белорусские власти, в свою очередь, отказа-

ли во въезде в страну польским депутатам Европарламента. Польский посол вернулся в Минск только в начале октября 2005 года.

Правительство Польши последовательно и на самом высоком уровне выражало поддержку избранному в марте руководству СПБ. В том числе на уровне Министерства иностранных дел и правительства (в ноябре 2005 года состоялась встреча А. Борис с премьер-министром Польши). При этом ряд политических деятелей Польши (в частности, вице-спикер Сената И. Даняк) рассматривали официальный СПБ как подконтрольную организацию, которая не направлена на удовлетворение интересов белорусских поляков.

В Беларуси конфликт сопровождался активной антипольской кампанией в государственных СМИ, а также кампанией против отдельных активистов польского движения. В частности, в июле 2005 года материалы, имеющие признаки разжигания межнациональной розни, были размещены в государственной газете «Во славу родины», однако Военная прокуратура, куда был направлен соответствующий запрос, возбудить дело отказалась. Резкую пропагандистскую направленность имели фильмы «Агент 590», «Кто заказал Союз поляков?», которые демонстрировались по государственному телевидению.

Давление на активистов польского движения. На протяжении 2005 года имели место многочисленные факты давления и на активистов СПБ, которые не поддержали действия властей по смене руководства. Имела место негативная информационная кампания, административное преследование, угрозы привлечения к уголовной ответственности. В частности, власти Беларуси возбудили уголовное дело по факту злоупотребления средствами Союза поляков на Беларуси, в качестве свидетелей были допрошены активные члены польской общины, в том числе А. Борис и Т. Гавин. Данный факт был расценен польской общественностью как попытка психологического давления на членов Союза поляков, неподконтрольных властям. В отношении четырех активистов СПБ было возбуждено уголовное дело по статье «принуждение» (дело было возбуждено в отношении членов СПБ, которые пытались провести контрольно-ревизионную проверку в г. Щучине). В августе 2005 года 30 дней административного ареста отбыл учредитель Союза поляков на Беларуси Т. Гавин. В апреле 2005 года было возбуждено уголов-

ное дело по деятельности СПБ в Бресте. С августа 2005 у наиболее активных представителей польского меньшинства (А. Почобут, А. Борис, Т. Гавин и др.) стали возникать проблемы при пересечении польской границы.

Ситуация для части польской общины еще более осложнилась с 2006 года, когда вступили в действие поправки в Уголовный кодекс Республики Беларусь, которые установили уголовную ответственность за участие в деятельности незарегистрированных организаций. Фактически это ставит любую деятельность вне официально признанного СПБ под угрозу уголовного преследования.

Конфликт белорусских властей и Союза поляков на Беларуси имеет политический характер. Действия властей нарушают права польского национального меньшинства на свободу ассоциаций. Последний съезд Союза поляков был организован и проходил под полным контролем, давлением и манипуляциями со стороны властей.

Действия властей являются грубым нарушением прав национального меньшинства на ассоциацию. Ситуация с Союзом поляков на Беларуси является конфликтом по поводу власти и вызвана стремлением официальных белорусских властей установить контроль над общественной и культурной активностью польского национального меньшинства. Однако такие действия властей в настоящее время не привели к прямой дискриминации или давлению на польское национальное меньшинство в массовом порядке.

Процесс над программной радой “Нівы”
(еженедельник белорусов в Польше)

В целом условия для развития белорусского национального меньшинства Польши в последние годы можно назвать благоприятными, тем не менее, ситуация несколько ухудшилась в связи с делом “Нівы”. Уголовное преследование продолжалось с 2003 по 2006 год и закончилось оправданием общественных деятелей белорусского национального меньшинства, но процесс, тем не менее, нанес значительный ущерб имиджу и культурной деятельности белорусских организаций в Польше. Еще больший ущерб был нанесен политической активности на региональном уровне.

В мае-октябре 2003 года Высшая контрольная палата (NIK) Польши осуществляла проверку использования бюджетных средств в сфере культуры за 2001-2003 годы. Всего по стране было проверено более 100 субъектов, в том числе и еженедельник «Ніва». В целом Контрольная палата негативно оценила работу Министерства культуры Польши в сфере распределений целевых дотаций, определенные нарушения были выявлены и у «Нівы». Главным образом нарушения касались законодательства о счетоводстве, в то же время, хищений либо нецелевого расходования средств выявлено не было. Осенью 2003 представители NIK в Белостоке информируют прокуратуру о возможном наличии в действиях программной рады (руководящего органа) «Нівы» состава преступления. В октябре 2003 года прокуратура начинает следствие в отношении 11 членов программной рады еженедельника, в том числе авторитетных деятелей белорусского национального меньшинства: Яугена Вапы, Яугена Мирановича, Михася Андрасюка, Юрия Хмелевского. Активные деятели белорусского меньшинства вызываются на допросы, у них берутся отпечатки пальцев, выполняются другие следственные действия. Через год (27 сентября 2004) прокуратура выдвигает обвинение в отношении 11 издателей «Нівы», председатель прокуратуры Белосток-Юг проводит соответствующую пресс-конференцию. Внимание к процессу со стороны СМИ возрастает, по сути обвинений высказывают озабоченность правозащитные организации Беларуси, а также представители демократического движения. Ситуация постепенно приобретает международный характер, кроме этого, до конца 2004 года в поддержку «Нівы» высказываются более 15 белорусских организаций Польши.

К сожалению, ситуация 2003-2004 года сопровождается негативными публикациями в прессе (первые появляются уже летом 2003 года), а также информацией на телевидении. В репортажах, между прочим, утверждается, что члены программной рады обвиняются в краже и нецелевом использовании средств Министерства культуры. Негативный эффект имело и заявление представителей прокуратуры, которые в официальных выступлениях заявили, что участникам процесса грозит до восьми лет тюрьмы.

Судебное разбирательство по делу издателей “Нівы” начинается в феврале 2006 г. К этому времени происходит значительное ухудшение отношений Польши и Беларуси вследствие

давления белорусских властей на организации польского национального меньшинства, но на характере судебного процесса это практически не сказывается. Приговор по делу был вынесен 16 мая 2006 года. Все 11 членов программной рады были признаны невиновными. Вместе с тем суд признал ряд нарушений финансового законодательства со стороны главного бухгалтера и председателя программной рады, тем не менее, было отмечено, что при исполнении всех предписаний еженедельник просто не смог бы выходить регулярно. Белорусские объединения Польши, также правозащитные организации Беларуси с удовлетворением восприняли решение суда.

Многие представители белорусского национального меньшинства высказывали мнение, что организация и поддержка кампании по уголовному преследованию издателей "Нівы" имела, главным образом, региональный характер. Процесс, по всей видимости, поддерживался за счет позиции ряда политических сил Белосточчины, а также личного негативного отношения к представителям меньшинств со стороны некоторых должностных лиц правоохранительных органов.

Миссия в смежные районы Беларуси и Польши "Исследование проблем белорусско-польского пограничья в контексте расширения Евросоюза" 3-9 июля 2004 года.

Основания проведения миссии

Белорусско-польское пограничье отличается многонациональным и поликонфессиональным составом населения, разделенного государственными границами, в связи с чем актуальным является определение перспектив добрососедства и сотрудничества населения двух стран.

Время от времени в отношении национальных меньшинств со стороны государственных органов обеих государств совершаются недружелюбные акты, с обеих сторон границы в прошлом и настоящем имеет место нарушение прав национальных меньшинств.

Расширение Европейского союза принесло с собою новое размежевание. Появились новые проблемы в коммуникации для национальных диаспор, угрозы ассимиляции, затруднения экономического и культурного сотрудничества в приграничных районах.

По своим задачам миссия была направлена на выявление конфликтного потенциала в регионе, оценку уровня межнациональных отношений, а также информирование общественности и официальных структур о состоянии соблюдений прав меньшинств и проблемах межнациональных и межконфессиональных отношений в регионе.

Миссия имела плановый и трансграничный характер (проходила на территории двух государств).

Решение о проведении миссии было принято общим собранием РГ НПО СНГ.

Цели, задачи и участники миссии

Цель миссии – выявление конфликтного потенциала в регионе и выработка рекомендаций по улучшению соблюдения прав национальных меньшинств; определение перспектив сохранения национальной культуры и идентичности, анализ опыта этнокультурного взаимодействия в регионе.

Задачи миссии:

1) сбор информации об этнополитической ситуации:

- состав населения, идентичность и культурные традиции;

- отношение к политической ситуации, деятельности государственных органов;

- есть ли факты нарушения прав национальных меньшинств со стороны властей;

- имеет ли место практика ксенофобии и недоверия на бытовом уровне;

2) изучение состояния межконфессиональных отношений;

3) изучение последствий и перспектив, связанных с расширением ЕС.

***Участники миссии*:** Игорь Савин (НПО “Диалог”, Казахстан); Андрей Казакевич (политолог, Беларусь); Полина Степаненко (координатор подсети РГ по Западному СНГ, правозащитный центр “Вясна”).

Источники информации

Главным источником информации стали личные интервью с активистами национального движения, представителями общественных организаций, представителями культуры, официальными лицами и т.д. Кроме этого, был проведен ситуативный

анализ местных средств массовой информации, изданий национальных меньшинств.

Миссии предшествовало общее изучение этнической, конфессиональной, культурной, политической и экономической ситуации в регионе.

Практически проведенные в ходе миссии мероприятия

3-5 июля 2004 г.: изучение Гродненского региона.

Проведены встречи:

- с представителями национальных меньшинств;
- руководителями и членами общественных объединений культурной направленности;
- работниками средств массовой информации;
- представителями органов местного самоуправления.

Встречи приводились в следующих населенных пунктах: г.Гродно, г.Волковыск, пгтБольшая Береставица, пгтСвислочь, деревня Лунна (Мостовский район).

В ходе изучение Гродненского региона были опрошены:

Микола Маркевич, депутат Верховного Совета Беларуси (1990-1995), редактор запрещенной в 2001 году газеты "Погоня", г. Гродно; *Павел Мажейка*, журналист газеты "День", работал в запрещенной в 2001 году газете "Погоня", г. Гродно; *Виктор Сазонов*, член правления Гродненского отделения общественного объединения "Фонд им. Льва Сапеги", г. Гродно; *Олег Рамашкевич*, депутат Берестовицкого районного совета; *Анатолий Валюк*, активист незарегистрированного областного объединения "Общество имени братьев Калиновских", г.п. Свислочь; *Мирослава Валюк*, ученица польского класса, г.п. Свислочь; *Геннадий Радзецкий*, учитель, активист незарегистрированного областного объединения "Общество имени братьев Калиновских", г.п. Свислочь; *Микола Аксамит*, председатель правозащитной организации "Аслона", в 1990-1995гг. – депутат Верховного Совета Беларуси, г. Волковыск; *Лявон Карпович*, руководитель факультативного курса польского языка в школе, д.Лунна; *Альгимантас Диргичус*, председатель объединения литовцев Гродненщины "Тевине" ("Родина"), г. Гродно; *Феликс Гавин*, частный предприниматель, г. Гродно; *Валерий Задаля*, журналист, один из лидеров "Товарищества белорусского языка", г. Гродно; *Станислав Сенкевич*, председатель общественного объединения "Польская школьная матерь на Беларуси", г. Гродно; *Барбара Фусточенко*, ответственный секретарь общественного объединения "Польская школьная матерь на Белару-

си", г. Гродно; *Владимир Хильманович*, председатель Гродненского отделения общественного объединения "Фонд им. Льва Сапеги", г. Гродно.

6-9 июля 2004 г.: изучение Белостоцкого региона.

Проведены встречи:

- с представителями местных органов управления и самоуправления;
- активистами национальных и религиозных движений;
- активистами негосударственных организаций

Встречи проводились в следующих населенных пунктах: Белосток, Бельск Подляшский, Гайновка.

В ходе изучение Белостоцкого региона были опрошены:

Мартин Рембач председатель Центра общественного образования «Польша-Беларусь»; *Яуген Вапа*, главный редактор газеты беларусов Польши "Ніва", г.. Белосток; *Виталь Луба*, заместитель главного редактора газеты беларусов Польши "Ніва", г. Белосток; *Олег Латышонок*, научный сотрудник кафедры белорусской культуры университета в Белостоке, председатель Белорусского исторического общества, член управы Белорусского союза в Республике Польша, г. Белосток; *Петр Божко*, вице-староста Бельского повета, Бельск Подляшский; *Ян Чиквин*, белорусский поэт, писатель, переводчик, возглавляет литературное объединение "Белавежа", доктор гуманитарных наук, профессор, Бельск Подляшский; *Галина Тваранович*, поэт, литературовед, научный сотрудник кафедры белорусской культуры университета в Белостоке, Бельск Подляшский; *Михась Андрасюк*, депутат поветовой рады, председатель правления Белорусского форума самоуправления в Республике Польша, Гайновка; *Анатоль Охретюк*, бурмистр, Гайновка; *Микола Ваураню*к, редактор белорусских программ Польского телевидения, Гайновка.

Результаты миссии и выводы

Павел Мажейка

... Это (расширение ЕС) можно расценить как реальный "железный занавес". В 90-х приводились такие цифры, что около 90% всех жителей региона жили за счет приграничных контактов и торговли.

Микола Маркевич

...Получается, что ЕС больше открыт для нас, чем мы для ЕС.

Генадий Радзецкий

…Иногда получается, что сами белорусы чувствуют себя здесь национальным меньшинством.

Олег Рамашкевич

… Основное национальное меньшинство, которое здесь притесняют, − это белорусы. Это шутка, но в ней есть печальная доля правды.

Генадий Радзецкий

… Сейчас эта граница (с Польшей) для нас почти такая же, как была в советские времена. Для меня здесь конец света. Я там был несколько раз. Раньше было проще поехать.

Лявон Карпович

… Мы не считаем, что там за границей (с ЕС) существует какая-то империя.

Феликс Гавин

… Я думаю, что появление здесь границы Евросоюза особо на нашу жизнь и не повлияло. Никаких коренных изменения я не заметил. Визы ввели год назад.

Барабара Фусточенко

… По переписи, которая проводилась еще в условиях Советского Союза, в 1989 г. на Гродненщине проживало 300 тыс. поляков. Всего в Беларуси было около 400 тыс. поляков. Тогда 13% процентов населения сказали, что их родной язык— польский. Хотя я во все эти переписи не верю, потому, что перепись—это "удобные" цифры.

Яуген Вапа

… Белорусы на Белосточчине − это евроскептики. Это потому, что мы из жизни знаем, что если что-то дают, то потом обязательно что-то отберут. Очень маленький процент белорусов проголосовал на референдуме. На выборах в Европарламент всего голосовало 9-15%. Здесь—бедные крестьянские регионы и люди не верят в обещания.

Оценка конфликтного потенциала и вероятность обострения обстановки

Микола Маркевич

… Я считаю, что глобальных конфликтов на бытовой почве на Гродненщине никогда не существовало. Между людьми постарше еще дают знать о себе отголоски прошлых времен.

Микола Маркевич

… Я знаю о случаях, когда в деревне умирал ксендз, и не

было кому крестись детей. Вся деревня шла в православную церковь.

Олег Рамашкевич

... Боятся и с подозрением относятся к этому процессу (расширение ЕС) наши "челноки" – люди, которые возят вещи за границу. Они боятся, что введут визы и дополнительные платы. Но я скажу, что в последнее время они больше боятся своих властей, а не европейских.

Микола Аксамит

... Иногда поляков называют "мазурами", но скорее это зависит от склада характера человека, чем от его национальности. Глобально это проблем не создает.

Феликс Гавин

... Нет у нас никаких конфликтов. Потому что типичный белорус не знает ни истории своего народа, ни языка ...Чего ему конфликтовать? Это не отсутствие идеологии. Это тоже идеология. Можно проследить, как резко, после 1994 г., стали уменьшаться классы с белорусским языком обучения. Некоторые у нас не любят поляков, некоторые не любят евреев, но это частные случаи.

Валерий Задаля

... У нас никогда не было гонений. Но мысли такие у людей есть. В последнее время в Беларуси появился националистический сайт, который посвящен именно отношениям "белых" и "черных". Ребята, которые этот сайт делают, настроены очень резко против всех "небелых".

Яуген Вапа

... Так было всегда. Здесь на самом деле находится место столкновения цивилизаций. Здесь встречаются два огромных, тектонических движения. Только в рамках христианства это православие и католицизм. Когда две такие огромные плиты ударяются друг о друга, трутся, то всегда что-то возникает, что-то происходит.

Олег Латышонак

... Я думаю, что заметных негативных или позитивных стереотипов здесь нет. Белорусы о поляках иногда говорят, что те слишком выпендриваются.

Виталь Луба

... Кроме того, здесь, на востоке Польши, имеет есть очень сильные антирусские, антиправославные настроения, которые отражаются и на белорусах.

Мартин Рембач

... Сейчас эти конфликты обостряются в тех регионах, где есть равновесие сил. В Белостоке белорусы − меньшинство, поэтому они ведут себя спокойно. В других местах их большинство − там сидят спокойно поляки. В Бельске, где в этом плане есть равновесие и обе стороны там довольно сильны, может дойти до серьезных конфликтов.

Зоны конфликта и предмет противоречий между сторонами

Микола Маркевич

... Когда Лукашенко пришел к власти, в Гродно было 75% белорусских школ. Сегодня в городе нет ни одного белорусского класса. Все школы русские, и есть одна польская.

Виктор Сазонов

... Мы видим трагедию исчезновения белорусской культуры и белорусского языка. Это обедняет всю цивилизацию.

Олег Рамашкевич

... Противостояние немного ощущается. Дело все в том, что национальное меньшинство не несет такой ответственности за положение в республике, какую имеет коренное население, белорусы. На нас лежит большая ответственность, а они занимаются исключительно какими-то своими вопросами. На этой почве возникают кривотолки.

... Мы выступаем с позиции нарушения наших возможностей заниматься своей белоруской культурой, своим языком. У нас нет такой возможности.

Микола Аксамит

... Вообще у нас достаточно мирно сосуществуют как белорусская, так и польская общины. Никаких конфликтов на этой почве нет.

Станислав Сенкевич

... Был очень неприятный случай во время последней переписи населения в 1999 г. Переписчики не спрашивали людей об их родном языке, а задавали вопрос “на каком языке вы разговариваете?”. Но ведь это совершенно разные понятия!

Барбара Фусточенко

... Вот вам, пожалуйста, — основание для конфликта. Для чего человек, который приехал сюда, начинает мне указывать, на каком языке разговаривать?

... Надо сказать, что местное население довольно лояльное. Люди привыкли друг к другу. Есть смешанные браки. Но иногда

мы получаем анонимные открытки с “поздравлениями” на 17 сентября[10]. А мы воспринимаем этот день как нож в сердце Польши. Это все служит для возбуждения конфликта.

Яуген Вапа

... Некоторые нам говорят, что нас, белорусов, сюда, в Польшу, царь привез в каких-то вагонах, что мы тут не коренные жители. От поляков такое можно услышать довольно часто. Говорят, что здесь нет никаких белорусов, а мы просто русифицированные поляки. Это абсурдно.. Об этом печатались даже статьи в газетах.

... Уже в 1923 году польские власти объявили, что Белосточчина – это истинно польские земли. Были ликвидированы все белорусские школы, запретили изучать белорусский язык в школах.

... В нач. 1990-х гг., когда на выборах победили правые, они сразу “выкинули” всех белорусов из органов самоуправления. Потом они хвастались, что ни один православный, ни один белорус не работает в управе города. Так было, но сейчас ситуация меняется.

... Нас называют “кацапы”, мы тех, кто так обзывается, называем “ляхами”. Это не очень обидные слова. Были случаи в 80-х гг. когда поджигали церкви. Остался открытым вопрос: какую роль тогда в этом играли политические власти и службы? На этот вопрос мы до сих пор не можем ответить.

Мартин Рембач,

.. Также поляки часто смотрят на белорусов как на безродный народ. Они и не русские, и не поляки – неизвестно кто. Это связывается с местным явлением, которое называется “крэсовость”. Ответ на вопрос: является ли Польша многонациональным государством или местом, где живут только поляки—до сих пор не найден.

Перспективы развития региона

Олег Рамашкевич,

... Таких конфликтов и притеснений на сегодняшний день нет. Я думаю, что этого и не будет. Я смотрю на поляков как на своих людей. Здесь могилы их предков.

---

[10] День, который в Беларуси отмечается как годовщина воссоединения белорусского народа 17 сентября 1939 года.

Микола Аксамит

… Я полагаю, что все зависит от руководства. Если изменится политическая власть, я думаю, что Беларусь будет стремиться в Евросоюз. Если будут какие-то ограничения, то это будет вина не Евросоюза, а нашей власти.

Лявон Карпович

… Я поляк, но гражданин Беларуси, и я должен бороться за то, чтобы Беларусь была независимой. Я живу у себя дома. Как поляк, я работаю в своей общине.

Барбара Фусточенко

… Толерантность, когда это касается ваших убеждений, национальности или каких-то других принципов, — пожалуйста. Но в отношении к собственной нации и собственной принадлежности к народу толерантность неприемлема.

Яуген Вапа

… Это есть (ксенофобия). И на заборах пишут: "Раз, два, три, белорусские псы…", но я скажу одну важную вещь. С этим надо бороться посредством образования. Единственная вещь, которой нет на Белосточчине, – это межкультурное образование в школах. Нет урока, на котором бы детям рассказывали о тех народах, которые живут рядом.

Олег Латышонак

… Поскольку мы живем у себя дома, мы имеем все шансы к расширению. Мы не можем сказать, что наша судьба предрешена. У нас есть два центра белоруской культуры – это города Бельск и Гайновка. Если бы Беларусь была национально ориентированным государством, то ситуация была бы совершенно иная. Все, что имеет белорусское общество в Польше, было создано самостоятельно.

Выводы миссии

Гродненщина. В целом в регионе существенной конфронтации на национальной, этнической и религиозной основе не наблюдается. Национальные группы практически не отмечают давления либо дискриминации при непосредственном взаимодействии друг с другом. Символика национальной принадлежности используется в конфликтах, как правило, для характеристики индивида, а не группы. Предубеждения по поводу смешанных браков имеют ограниченный характер.

Главные проблемы для национальных групп связаны с деятельностью местных и центральных властей Беларуси: ограниче-

ние сферы использования белорусского языка, создание препятствий к развитию системы образования для польского меньшинства.

Белосточчина. В целом в отношениях между религиозными и национальными группами региона присутствует некоторая напряженность, которая не исключает и проявления дискриминации на бытовом и официальном уровне. Большинство польских политических организаций не воспринимают белорусов и православных как часть культурного и этнического контекста региона. Реальное политическое противостояние наблюдается, прежде всего, в регионах, где число православного и католического населения приблизительно равно, что проявляется в кадровой политике и распределении финансовых ресурсов.

Возможность межнациональных (конфессиональных) конфликтов в регионе незначительна, хотя и отмечается некоторая напряженность в смешанных (православно-католических) районах Белостоцкого воеводства, но фактов конфликтного противостояния и этнически окрашенных акций не отмечено.

Расширение Европейского союза. Традиционно Европейский союз выступает символом экономического процветания и политической стабильности. Тем не менее расширение ЕС воспринимается неоднозначно жителями региона. Главным образом это связано с сокращением возможностей для приграничного сотрудничества (это результат как действий белорусских властей, так и органов ЕС), а также проблемами в пересечении границы – население обеих регионов отмечает, что раздел между странами стал значительно более ощутимым.

Пути продвижения

Миссия позволила исследовать и оценить этнополитическую ситуацию в регионе и определить основные угрозы соблюдению прав национальных меньшинств. Миссия привлекла значительное внимание к проблемам белорусского национального меньшинства в Польше и польского национального меньшинства в Беларуси.

Правильность выводов и адекватность оценки ситуации участниками миссии особенно показательна в контексте обвинения членов редакцией белорусского еженедельника "Ніва" (Белосток) в финансовых нарушениях – осень—зима 2004 года и конфликта между белорусскими властями и Союзом поляков Беларуси (2005).

По результатам миссии было издана книга ("Исследование проблем белорусско-польского пограничья в контексте расширения Евросоюза", Мн. 2004). Книга содержит описание опыта межкультурного взаимодействия, основных политических, экономических (связанных с расширением ЕС) и культурных проблем региона. Издание может быть использовано в работе общественных и официальных структур, а также организациями национальных меньшинств.

Миссия «Исследование проблем белорусско-польского пограничья в контексте расширения Евросоюза»

Время осуществления 4-10 сентября 2005 года.

Место проведения – Гродненская область (Беларусь), Белостокское воеводство (Польша).

Участники: Малхаз Чемия (Грузия, Институт проблем беженцев и меньшинств), Андрей Казакевич (Беларусь, политолог, редактор журнала «Палітычная сфера», Полина Степаненко (координатор Западной подсети РГ, журналист, Беларусь). При организационной поддержке Гродненского отделения «Фонда имени Льва Сапеги» (Гродно, Беларусь) и Центр общественного образования «Польша-Беларусь» (Белосток, Польша).

Проблематика и задачи миссии были сформулированы следующим образом:

Проблема:

1. Межгосударственный конфликт между Беларусью и Польшей, связанный со сменой руководства Союза поляков на Беларуси. Обострение отношений между организациями польского меньшинства и белорусскими властями.

2. Суд над издателями еженедельника белорусов в Польше «Нива».

3. Разноэтнический состав населения, разделенного государственными границами. Сложная история взаимоотношений, нарушения прав меньшинств с обеих сторон в прошлом и перспективы добрососедства.

4. Расширение Европейского Союза – новое размежевание. Насколько это способно разделить диаспоры, насколько усилится ассимиляция и т.д. Как новые границы повлияют на этнополитическую ситуацию.

Задачи:

1. Сбор информации об истории межнациональных отношений и современное их состояние.

2. Сбор общей информации об этнополитической ситуации:

- Отношение меньшинств к политической ситуации и государственной власти.
- Имеет ли место давление со стороны властей на организации польского меньшинства в Беларуси? Определение характера возможного давления.
- Имеет ли место давление со стороны властей на организации белорусского меньшинства в Польше? Определение характера возможного давления.
- Есть ли факты нарушения прав национальных меньшинств со стороны властей?
- Имеет ли место ксенофобия и недоверие на бытовом уровне?
- Определение уровня межконфессиональных (католики – православные) отношений в Республике Польша.

3. «Новая граница» и проблема развития национальных сообществ: последствия и перспективы. Отношение населения к расширению ЕС и новой границе – надежды и опасения.

4. Перспективы сохранения национальной культуры и идентичности по обе стороны границы.

Беларусь

4 сентября, город Лида (Гродненская область)

Станислав Судник, председатель Лидской городской организации Общества белорусского языка, член Союза писателей Беларуси, редактор республиканской газеты Общества белорусского языка «Наше Слово», редактор журнала «Лидский летописец» — (местный краеведческий журнал историко-литературного содержания).

— Расскажите о газете «Наше слово». Это единственное республиканское издание, редакция которого находится не в столице?

— Газета «Наше слово» является центральным печатным органом Общества белорусского языка. Раньше редакция размещалась в Минске. В 1997 году государство прекратило финансирование газеты, и редакция переехала в Лиду. Работаем здесь уже восемь лет. Скоро выйдет 400-й номер газеты, подготовленный лидской редакцией. Газета направлена на популяризацию белорусского языка и культуры.

И при этом у нас за 8 лет не работал ни один белорус.

— **А кто работает?**

— Поляки, русские, украинцы. Никак не мог взять ни одного белоруса к себе на работу. Как ни возьму — так обязательно то поляка, то русского. Сибирячка сейчас у меня работает на наборе, полька – бухгалтер.

— Как вы оцениваете уровень отношений между национальными меньшинствами в Лиде, особенно в контексте конфликта между государством и Союзом поляков?

— Хотел бы я знать, кого сегодня в Лиде можно назвать национальным меньшинством… Больше половины населения города – католики, которых традиционно принято считать поляками. Согласно официальным документам, в Лиде около 38% поляков. Реально этнических поляков здесь единицы. Все католики, которых записывают «поляками», — местное население. Вековечно местное, такие же, как и я. Это литвины, которые приняли католическую веру. Они ниоткуда не приезжали и никуда не уезжали.

— Как они сами себя идентифицируют, как «белорусы-католики» или как-то иначе?

— Например, в нашей деревне мы себя идентифицируем как «шляхта». Мы дворяне этой земли. Мы никогда не были крепостными и невольниками. Но мы никогда не называем себя «поляками». Лидское население отличается от нашей деревни тем, что здесь живут как дворяне и шляхта, так и крестьяне. Возникла следующая ситуация: когда периодически приходили наши «братья с Востока» и «очень хотели с нами дружить», то часть населения не хотела с ними «дружить» и поэтому периодически записывалась в «поляки». В противовес России они говорили: «мы поляки», «у нас польская культура»…

Но во время последней переписи 95% католиков г. Лиды назвали родным языком белорусский. Что это значит? Это значит, что из русского и польского они выбирают польское. Но когда вопрос стоит о выборе между белорусским и польским, то в большинстве своем люди выбирают белорусское. Они говорят: «Мы тутэйшыя» («мы здешние»).

— **Люди живут согласно белорусским традициям или польским?**

— В обиходе никаких сложностей нет. Все белорусские традиции в языке, в обрядах и во всем остальном сохраняются. Только, например, ту же «куцьцю» (традиционное блюдо на

Рождество – *ред.*) католики готовят на две недели раньше, чем православные. Пасха, и одна и вторая, проходит с одинаковыми песнями и волочебниками, которые ходят по домам и поют. Но отмечается этот праздник с разницей в две недели. Все традиции и названия праздников – белорусские. Традиции здесь еще не совсем христианские. Они языческие. Как было принято в те времена, все так и осталось. Например, мы практически не употребляем слово «пасха». У нас — «Вялікдзень». Мы не говорим «рождество» — у нас «каляды».

— **А святой Георгий?**

— А святого Георгия мы не празднуем. Вообще не знаем такого праздника. У нас есть святой Юрий. В Беларуси два имени: Юрий и Георгий – это одно и то же. Весной, на святого Юрия, мы всегда стремимся выгнать скотину в поле. Даже когда в паспорте пишут «Георгий», то дома такого человека все равно будут называть Юрий. А под «Юрием» подразумевается языческий бог Ярыла. Такая трансформация.

— Дает ли какое-то преимущество провозглашение «я – поляк» или «я – белорус» в обиходе, в социальном окружении? Что дает идентификация себя с польской, католической или с белорусской группой? Это может принести определенные преимущества или повлечь дискриминацию?

— При царе была привилегия у православных. При Польше – у католиков. Чтобы получить право купить землю, надо было записаться «поляком». При советской власти поляки были четвертыми в графе национальностей, которых было «велено не пущать» в академии, к ядерным ракетам и т.д. Я не думаю, что сейчас в Беларуси есть проблема принадлежности к какой-либо национальности.

— Наверно, местные католики все же думают о том, что есть независимая страна Польша, где можно устроить учиться своего ребенка… Думают ли люди о том, что их дети получат что-то большее, если их родители будут называть себя поляками?

— Наверно, где-то такое есть. Но большинство местных католиков не связывают свои личные перспективы с Польшей. Да, кто-то более шустрый, пробивной думает: «назовусь поляком, где-то протолкнусь, где-то проеду…». Или руководители общественных польских организаций – они стараются говорить по-польски, чтобы был хороший язык. Это нормально. Они работают, ведут свою деятельность, и в принципе, мы готовы ее

поддерживать. Пусть ведут эту деятельность. Также мы поддерживаем деятельность литовцев и активистов других национальностей. Нет никакого противодействия. Наоборот. Везде, где можно, идет сотрудничество между общественными организациями. Процесс радикализма закончился в начале 90-х гг. Тогда эти вопросы стояли остро. Но они быстро притупились, поскольку у нас, в Лиде, почти каждая вторая семья смешанная. Но даже там нет проблемы, куда идти — в костел или в церковь. Где семья смешанная, там все быстро решают. Теща сказала зятю: «Будешь католиком», — и все. А Зятю все равно, кем быть.

Когда едешь по Беларуси, можно заметить, что практически везде ставятся кресты – православный и католический рядом. Кресты стоят в одной ограде, переплетены гирляндами. Это показывает, что межконфессиональных проблем здесь нет.

— Конфликт властей и Союза поляков здесь был ощутим?

— Основной массе населения этот конфликт безразличен. У местного отделения СПБ была одна проблема – как остаться в стороне от этого конфликта. И это у них получилось. Руководительница Лидской организации СПБ вышла из руководства того Союза и не вошла в руководство нынешнего. На последний съезд она не поехала, а послала своего бухгалтера. Из Союза они не выходят, но и деятельность руководства не поддерживают. Им очень сложно, потому что в Лиде есть большой и красивый «Польский дом», который был построен на польские деньги и передан Союзу поляков. Если они сейчас выйдут из Союза поляков, то придется лишиться этого дома. Кроме того, они теряют печать, не смогут платить аренду, лишаются имущества. А Польша заявила, что не будет финансировать новый Союз поляков. Куда им деваться? В сложную ситуацию попали региональные структуры Союза поляков. Как всегда: «Паны дерутся — у холопов чубы трещат». Сейчас они все оказались в таком положении: если выйти и закрыться, тогда без региональных структур автоматически закроется и сам Союз. Если остаться – значит поддержать новое руководство и поссориться со всей Польшей. Поэтому они сейчас вообще не знают, что делать.

— Вы воспринимаете происходящее как конфликт национального меньшинства и властей или как конфликт власти и независимой организации?

— Этот конфликт довольно простой. Суть его заключается в следующем. В те годы, когда председателем Союза был Тадеуш Гавин — лидер, который поддерживал демократические силы, — власти приложили максимум усилий, чтобы его с этой должности убрать. Они долго боролись против него, «подготовили» общественность, поработали «в низах», и его «сбросили». Поставили Тадеуша Кручковского, который был председателем четыре года. Но власть прозевала момент, когда положение «в низах» изменилось. Они не ждали, что на съезде в 2005 году Тадеуша Кручковского не переизберут. А когда его не избрали, то власти спохватились, боясь потерять контроль над организацией. Конфликта не было бы, если бы власти правильно оценивали ситуацию. Хотя, мне кажется, что они этот Союз и его значение переоценивают.

— В чем реальная опасность СПБ для властей, если они так хотят его контролировать?

— Как таковой опасности от польского меньшинства и от СПБ для власти нет. Они такие же нормальные колхозники, как и белорусы.

— У них есть сепаратистские настроения?

— Нет у них никаких сепаратистских настроений. Никто не хочет отделяться.

— Могут ли они влиять на «политическую погоду» или изменять ее?

— Не могут. Приведу небольшой пример. Я официально по документам записан поляком. Баллотировался в депутаты от Партии БНФ по району, где большинство населения – поляки. Власти выставили против меня поляка, главного врача местной поликлиники. Я в Лиде приезжий, он местный. За него агитировал ксендз в костеле. И он меня победил. Он стал депутатом городского совета вместо меня. Так что никакой опасности нет. Всегда к одному поляку найдется другой поляк, которого власть сможет использовать.

— Расскажите о межрелигиозных отношениях в вашем регионе.

— Я уже говорил, что почти каждая вторая семья здесь смешанная. Нет никакой проблемы в том, что супруги принадлежат к разным конфессиям. Сегодня любой может «переписаться» в католики. Если невеста православная, а жених католик — можно венчаться в костеле. Невеста может не покидать православия, ксендз их обвенчает. А потом они сами разберут-

ся, где им крестить детей. Но католические ксендзы больше настроены в сторону демократии. Православные батюшки, как правило, строго за власть. А ксендзы часто в оппозиции.

— **А служба на каком языке проходит?**

— Смотря где. В Лиде пять костелов. Перед ними поставлена задача как минимум одну мессу обязательно вести на белорусском языке. Остальные службы проходят по-польски. Слободской костел считается белорусскоязычным. Насколько я знаю, такая ситуация только в Гродненской диоцезии. В других областях основной язык в костеле – белорусский. А когда ксендз приезжает в мою деревню, он спрашивает: «Панове шляхта, можно ли мне послужить по-польски?» А шляхта отвечает: "Если немного, то можно". Ксендзы Гродненской диоцезии очень не хотят переходить на белорусский язык.

— **Какие ксендзы не хотят переходить на белорусский язык, приезжие или местные?**

— Приезжие переходят легко. А вот местные оказываются "большими поляками", чем приезжие. Кроме того, оказывается, что народ не знает молитв на белорусском языке. Их с детства учили молиться по-польски. Получается, что ксендз — этнический поляк — говорит на белорусском, а прихожане — этические белорусы — ему в ответ по-польски. Так и служат.

— **А есть ли польские школы для детей?**

— В Лиде нет ни одного польского класса и ни одной польской школы. Но при костелах таких школ много.

— **Там учат молитвам на белорусском языке?**

— Мы особо не вмешиваемся в эти дела. Когда в белорусском костеле на Слободском недавно была служба за погибших повстанцев 1863 года, к нам приехал ксендз из Калининграда и служил на белорусском языке. Лидский хор тоже пел на белорусском.

Гродненские епископы не хотят перехода на белорусский язык. Но им деваться особенно некуда, и медленно-медленно этот процесс движется. В этой диоцезии два языка – польский и белорусский. Служб по-русски нет и быть не может. Иногда присылают ксендза-литовца, который не знает ни белорусского, ни польского. Он может несколько слов сказать по-русски, для того чтобы до народа «дошло». Это случается. На свадьбе ксендз может спросить у молодых, на каком языке их венчать. Если ему скажут, по-русски, он обвенчает их по-русски. Это возможно.

— Есть ли службы на белорусском в православных церквях?

— Сейчас нет. Автокефальную церковь (которая была в Лиде), где такие службы проходили, окончательно задавили, и она вернулась в лоно Православной церкви.

— А были ли верующие в этой автокефальной православной церкви?

— Пол-Лиды были прихожанами этой церкви. Когда образовался автокефальный приход, половина города начала ездить туда крестить детей. Местное население очень не любит московское православие.

Здесь все церкви централизованно подчиняются Минскому Экзархату. А Экзархат подчиняется Москве. Автокефальная церковь в Лиде начала действовать в 1995 году и просуществовала около 4 лет. Началось все с того, что епископ сказал: «Возле базара должен строиться собор». Прихожане решили, что им собор не потянуть, поскольку это очень дорогое строительство, и стали строить обычную церковь. Епископ приехал, велел все разобрать и строить собор. И пошло-поехало...

Епископ снял местного батюшку и прислал другого. Прихожане его выгнали и вернули «своего» священника. А для того чтобы освятить церковь, нужен или епископ, или четыре священника. Четырех автокефальных священников не нашлось. Епископа тем более. Но есть другой хитрый способ. Можно привезти мощи святого — и церковь считается освященной. Из Греции из Афонского монастыря, через Москву на самолете доставили мощи. В этом помогла Американская автокефальная церковь. Церковь освятили – и все, она ушла в подчинение Митрополиту Рыжему, который живет в Америке. Так этот автокефальный приход существовал около трех лет.

Но их долго терпеть не могли. В этой церкви было около 30 тыс. православных. Священник, который начинал церковь, умер. Начал служить его брат, но он оказался послабее духом, и верующих, как мне кажется, просто купили: митрополит Филарет сместил местного епископа, с которым были конфликты, и поставил на его место другого, который с верующими автокефальной церкви ласково помирился. Филарет сам принял церковный совет, пообещал им денег на строительство церкви... Почему люди вернулись? Мне кажется, потому, что у них было очень слабое национальное и идейное сознание. Никого из БНФ или из ТБМ (Общество белорусского языка) в церковном совете не было. Общественных активистов не допускали.

— Автокефальная церковь была одна?

— Одна, но в нее ходила половина населения Лиды. Здесь все было несравнимо более серьезно, чем в поселке Пограничный, где тоже была автокефальная церковь.

— Как сильно на повседневные отношения влияет религиозность людей?

— В Лиде в любом кабинете, где сидят два человека, как правило, один будет католик, а другой православный. Разницы нет. Но надо учитывать, что такое небольшой город, вроде нашего. Тут есть клановость, родственные связи, знакомства и т.д. Это играет гораздо большую роль, чем вера и национальность.

— Насколько глубоко верующие эти люди, или это больше традиция?

— Тяжело судить. Я буду не прав, если скажу, что католики более верующие, чем православные. Но они чаще подчеркивают свою набожность. Они активнее ходят в костел. Костелы полные. Они больше дают денег на костел. Православные не стремятся лишний раз показать, что они идут в церковь. Если одна бабушка не пошла в костел, то ее соседи по улице несколько раз за неделю спросят, почему она в прошлое воскресение не была в костеле. Кто-то не пошел в костел — это событие. В следующий раз проще пойти, чтобы больше не спрашивали.

— **Какова официальная статистика?**

— 38% местного населения называет себя поляками. Многие из католиков записывают себя белорусами, поэтому католиков больше, чем православных. В Лиде пять костелов — больше чем в Гродно. Церквей тоже пять. Три из них работают, две только строятся.

Государству в эти дела тяжело вмешиваться. Например, в 1999-2000 году мэр Лиды отдал католический костел под православную церковь. Ему это сделать было очень непросто. У него жена католичка и теща католичка, но он сам православный. Ситуация была такая: здание, где в советское время находился планетарий, было первоначально построено как костел. Потом оно сгорело. При царе дали разрешение его отстроить, но как церковь, что и было сделано. В 1920 году пришли поляки, отобрали здание и сделали там костел. Затем пришли большевики, закрыли костел и сделали там планетарий. В 90-х гг., когда начали разбираться, чье это здание, вокруг этого вопроса возникла сложная и напряженная ситуация. Чуть не дошло до народных волнений. Решили договориться.

Приехал генерал католического монашеского ордена Пиаров, которым когда-то принадлежал этот костел, плюс еще несколько высокопоставленных католических и православных священников. Начались переговоры. Православные исходили из того, что городская власть за ними, а «в большом городе Лиде нет большой церкви и собора». Кроме того, само здание было после пожара построено как церковь. Католики исходили из того, что до планетария там был костел и в самом начале тоже. Пошли на компромисс — подписали соглашение, по которому это спорное здание передали православным, для того чтобы у них был собор в центре города. За это католики получили два участка под строительство двух новых костелов. Так был решен этот вопрос. Разошлись с миром. Народ возмущался, но ксендз сказал: «Кто будет шуметь — не пущу на исповедь».

— Есть ли поддержка со стороны государства гражданам польской национальности на уровне детских садов, начальных школ? Поддерживает ли государство этнические меньшинства?

— Эта поддержка у нас официально объявлена и законами закреплена. Если бы у нас захотели открыть польский класс, и собралось бы достаточное количество учеников, то класс был бы открыт. Если бы собрали достаточное количество учеников для того, чтобы открыть польскую школу, то и школа была бы.

— Значит ли это, что потребности в такой школе нет?

— Дело в том, что по закону государство бы все сделало. Но те дети, которые окончат польскую школу, фактически не имеют перспектив в Беларуси. Вся высшая и вся средняя школа у нас русскоязычная. Куда деться с польским образованием? Единицы родителей рассчитывают на то, что дети поедут учиться в Польшу. По желанию родителей организовывается факультативное изучение польского языка. Учителей польского языка достаточно. Если в год в одной школе открывается один класс для изучения польского языка, то этот класс всю потребность и удовлетворяет. Почти никто здесь не строит свою дальнейшую жизнь с расчетом уехать в Польшу.

Такова специфика местного населения. Во время войны, когда немцы открыли здесь бухгалтерскую школу и там могли учиться только белорусы, все поляки быстро записались белорусами и пошли учиться в эту школу.

— Каким, как вам кажется, должен быть правильный путь Беларуси в перспективе?

— Правильный путь в этой ситуации и при этом раскладе – это вступление в Евросоюз. Есть еще более правильный путь – это тесное единение Польши, Украины и Беларуси. Вместе население этих стран составляет более 100 млн. человек и имеет огромную территорию для того, чтобы нормально развиваться.

5 сентября, поселок Вороново (Гродненская область)

Казимир Мисюра, скульптор, преподаватель изобразительного искусства в школе.

— Как отражается на ситуации в регионе конфликт властей с Союзом поляков? Каков национальный состав населения?

— У нас в районе проживает 83% поляков. Следующие в числе национальных меньшинств русские, затем украинцы, татары, евреи… В последнее время много приезжих из Таджикистана, Узбекистана, Армении, Азербайджана. Население Воронова всего около 7 тыс. человек. В Воронове расклад несколько иной – меньше поляков, больше русских, мало белорусов. Ближе к Гродно – в Радуни и Заблотье, чувствуется, что поляки многочисленнее. У нас была организация – региональное отделение Союза поляков. Организацией руководил заведующий районо Павел Корпик. Его поведение во время избирательных кампаний не понравилось властям, и его, мягко говоря, попросили… И он уехал в Польшу.

— Он стал неугоден потому, что был слишком про-польски настроен или за демократическую деятельность?

— Все было вместе, в комплексе. И национальность, и оппозиционность, и порядочность, и все остальное. У него трое сыновей. Старший сын — ксендз, уже служит в приходе. Средний – юрист, младший — финансист. Все трое закончили университеты и получили образование в Польше. Жена – филолог, она уехала первой, нашла в Польше работу, а Павел поехал за ней. Под их руководством у нас работала польская школа, кроме того, были классы факультативного изучения польского языка. После того, как они уехали, деятельность стала затухать. Работу запустили.

Перед повторным съездом Союза поляков в Волковыске власть оперативно взяла на себя все организаторские функции. Начали старательно собирать людей, приглашенным на съезд высылались письменные уведомления. На районную конференцию приглашали по телефону. Меня вообще не хотели там ви-

деть. Но я пришел. Оказалось, что ни у кого не было пригласительных билетов. Настоящих поляков и членов СПБ там было немного — не более 10 человек. Остальные – представители милиции, сотрудники исполкома и т.д. Кворума не было. Цель этой конференции была – выбрать делегатов на съезд от района. Он старались выбрать тех, кого «за шнурок дернешь, и они одинаково поднимут руки и проголосуют».

Теперь эта организация у нас фактически числится только на бумаге. Им можно только «петь и танцевать». Одно время поляки предлагали построить здесь школу, как в Гродно. Но это предложение «замяли». Местным властям не нужна альтернатива. Потому что когда появляется альтернатива, тогда начинается политика. Новая школа, новый коллектив, новое оборудование, новые кадры, родители… Сейчас наша школа переполнена, в ней более ста преподавателей и около 1,5 тыс. детей. Дети учатся чуть ли не в три смены. Третья смена – вечерняя школа.

Я думаю, что в перспективе те члены СПБ, которые поддержали Анжелику Борис, в организации не останутся. Будет тихий, может, неофициальный выход из Союза. Я, например, точно к этим не примкну. Мне с ними не интересно.

— **Вы уже сейчас планируете этот выход?**

— Во-первых, я не могу выйти из Союза потому, что поляк. Во-вторых, я демократ, поэтому не могу остаться. Я уважаю Анжелику Борис больше, чем Тадеуша Кручковского и Юзефа Лучника.

Когда выбирали делегатов на Волковысский съезд, нам удалось туда отправить нормальных людей. Я сам не был на этом съезде, поэтому я не очень хорошо проинформирован. Немного слышал по Радио Свобода, немного по БТ, радио «Полония» и общался с делегатами. Но я сделал вывод, что при голосовании были фальсификации. Я в этом не сомневаюсь. Пока в нашей стране все держится на цинизме, на лжи и на фальсификациях. Это сейчас основная «ценность».

— **Как местные поляки относились к конфликту властей с Союзом поляков, к «антипольским фильмам» по первому каналу национального телевидения?**

— Здесь живет аполитичный народ. Единственное, что их объединяет – это костел. Люди боятся одного — чтобы близкие их не похоронили, не занося в костел. Раньше здесь был каменный костел, внутри отделанный дубом. Его разрушили, уничтожили фундамент, а на его месте построили Дом культу-

ры. Затем там был хозяйственный магазин, потом сделали винно-водочный. И только затем это место снова отдали под костел. Православную церковь построили на болоте…

Тут жило немного евреев. А раньше здесь была обычная деревня, единственное, что оживляло обстановку, – это дорога на Вильню. Улиц и торговых рядов тут не было. Сегодня Октябрьская улица в Вороново построена из домов, привезенных с хуторов, которые ликвидировали в годы коллективизации. Так появилось Вороново. Этот поселок – советский районный центр. Здесь абсолютно ничего нет, кроме памятника неизвестному солдату и пары еврейских захоронений. Костел современный. Ксендзы часто меняются и долго не задерживаются.

Конфликт государства с Союзом поляков населением не воспринимается. Их это не волнует. Чуть ли не на каждом собрании, каждой бабке и каждому мужику тут говорят: это политика, ты сюда не лезь. Директор школы может так сказать учителям, руководитель автобазы или сельхозтехники своим рабочим и т. д. Их «накачивают» в исполкоме, они там получают все инструкции и соответствующие документы и потом проводят эту политику в жизнь. А люди не заинтересованы, они не понимают, что политика – это наш завтрашний день.

Было очень много увольнений. Оставшиеся на работе люди – это те, кто никогда не отстаивал свои права, ни профессиональные, ни гражданские, ни политические, никакие.

— У всякого этносообщества есть инстинкт при голосовании поддерживать друг друга. Есть ли это у вас?

— Нет, у нас такого нет. На парламентских выборах здесь были такие жесткие фальсификации, что мы выходили впереди могилевских и гомельских областей по результатам голосования в пользу власти. Это нонсенс.

Бывшая руководительница района Турчинская открытым текстом говорила, что «пока я здесь, ни одному поляку здесь места не будет». Фактически проблема и в том, что здесь никогда не было местного руководителя района. Руководителей всегда присылают — то из Дятлова, то из Щучина, то из Новогрудка, еще откуда-нибудь. Все они «проходные фигуры». Вся прокуратура завозная, в КГБ нет ни одного местного. Вся верхушка, даже начальники милиции никогда у нас не были «собственной выпечки». Эти люди здесь чужие, временщики, они держатся за свои должности. Единственное, чего они боятся, – это сильные польские

настроения. Власти опасались того, что если начнется какой-то конфликт, то это объединит народ.

Мне приходилось собирать подписи, ездить по деревням, я хорошо изучил за много лет этот район. Есть тихие «кухонные» разговоры, но они очень-очень несмелые. Местным ксендзам сказано: «Пикнете с амвона – 24 часа и до свидания».

— О чем пикнете?

— Например, если ксендз порекомендует быть поаккуратнее на выборах, посоветует поддержать свою нацию, свою культуру и нужную кандидатуру, посмотреть, разобраться… Я не исключаю, что в костеле есть прослушка. Думаю, что есть люди, которые участвуют в службе, но при этом постоянно отчитываются в КГБ и в исполкоме о том, что было и что ксендз сказал на проповеди. Священников очень сильно контролируют, тем более что их постоянно собирают в райисполкоме на «профилактику». Если не подчинятся, их просто депортируют, поскольку большинство из них граждане Польши. Но сейчас появляются молодые священники-белорусы. Но им здесь жить…

— Конфессиональный фактор также не объединяет?

— Это считается политикой. Если ксендз что-то такое скажет, его «обрубят» сразу же.

— Лично для вас религия – это традиция, философия? Вы католик?

— Да, я католик, но я не частый гость в костеле. Я не атеист. Я родом из простой крестьянской семьи. Я хожу в костел на праздники, если хоронят моих близких или кто-то из родных женится, выходит замуж. Я к этому отношусь с уважением. Это, скорее всего, дань уважения вековой традиции. По-польски я плохо читаю, не все понимаю. Меня и это сдерживает.

— А если бы службы были по-белорусски?

— Ходил бы без вопросов. Если бы хотя бы раз в месяц служба в костеле велась на белорусском языке, я ходил бы туда с большим удовольствием. А так помолиться я могу и дома. Моя жена православная, дети крещеные в церкви. Я поляк, но я поддерживаю любой праздник. Я очень уважительно к этому отношусь. Спокойно себя чувствую в костеле. Веду себя прилично, может, даже лучше, чем другие, которые «очень хорошо» веруют.

– Получается, что вы поляк, тяготеющий к белорусскому языку…

— Во-первых, я наполовину поляк. Мой отец – поляк, а мать – белоруска. Мама из Воложинского района, из белорусскоязычной деревни. Вся родня по материнской линии – белорусы, но католики. А отец – поляк и католик.

Местные поляки... Это тоже вопрос, настоящие ли они поляки. Потому что, когда эта часть Беларуси была под влиянием Польши, то многие окатоличивались, а потом меняли национальность и становились поляками.

— Существует ли напряженость между различными национальными общинами, между приезжими и местными, православными, католиками, русскими, поляками?

— В этом районе почти нет. Я здесь живу 25 лет, и мне ничего такого слышать не приходилось. Приезжих небольшой процент, тем более что в основном здесь все поляки. Все тихо работают, и им здесь хорошо. Никто их не обижает. Не обижают тех, кто с Кавказа, не обижают и тех, кто из России. Но русские ведут себя так, что они вроде «круче». И потом, полякам здесь никогда не предоставлялось ни малейшей возможности работать хотя бы на уровне завучастка. Все начальство — приезжие.

— Есть ли по этому поводу какие-то недовольства у населения?

— Ярко выраженных недовольств нет. Такие проявления «размазываются» на месте. Информации об этом не дается ход. Это нигде не публикуется, не описывается. Все темы о каких-то конфликтах запрещены районной цензурой. Могли быть конфликты в д.Заболотье.

Я сам стараюсь людям не грубить, только могу отнестись жестко, если кто-то нарушает элементарные нормы поведения. Лично меня не раздражает ни цвет кожи, ни цвет глаз, ни кривизна носа, ни прическа, ни то, чем человек занимается. Меня только может возмутить, если человек ведет себя за пределами норм поведения.

Русский милиционер здесь чувствует себя немного легче. К нему меньше замечаний. Если он где-то оступился или нарушил — это не так выставляется на вид. Могут не сразу уволить, а попозже. Надо крепко кому-то насолить, чтобы это было видно невооруженным глазом — тогда только попросят.

— А есть ли местные среди сотрудников милиции?

— Местных берут в милицию, но в основном сержантами. Учиться в Минск, в Академию МВД посылают детей и внуков

тех, которые в свое время были здесь начальниками, райкомовскими и райисполкомовскими работниками или просто коллаборантов, которые дали согласие на службу в таких условиях. Когда была оттепель, чуть-чуть детей подучилось в Польше. Сейчас, похоже, все эти поездки прекратятся.

— Что вы имеете в виду, говоря об «оттепели»?

— Я имею в виду времена до референдума 1995 года. Когда над райисполкомами и над сельсоветами был бело-красно-белый флаг. Тогда поднялось предпринимательство, народ ожил, дома начали строить, деньги появились, валюту увидели... Затем – откат, причем резкий. До каких пор этот откат будет продолжаться? Урожай шесть миллионов тонн зерна? Ну, будем кормить скотину этим хлебом. Будем кормить скотину, будем есть мясо. Будем есть мясо и запивать водкой – вот и вся наша жизнь. А чтобы пойти и предложить что-то сделать... Был, например, у нас концерт польской песни. В райисполкоме сразу же вычеркнули все песни маршевого характера, которые могли публику зажечь. Оставили песни про животных — бабочек и ежиков.

Если беженец приезжает и начинает расхваливать и говорить, что тут рай и мармелад – таких сразу на передний план выводят, как плакат. И зарплату повысят, и дом дадут...

— То есть, ситуация далека от самоуправления...

— Абсолютно точно. Очень далека. Здесь сельскохозяйственный район, нет никаких предприятий, нет молодежи и студенчества. Все учителя, которые сюда приезжают, прошли через систему. Например, в гродненском университете, как мне кажется, 30-40% преподавателей с нормальными взглядами, 3-5% — демократы. Но они не могут ничего такого на своих лекциях сказать, потому что сразу же какой-нибудь бээрсээмовец или стукач все донесет. В каждом университете есть отдел КГБ.

Когда я сейчас в школе вижу на детских шеях красные галстуки с зеленой полосой, меня это напрягает. Я думал, что мы с этим уже успели попрощаться. Оказывается, что нет.

— У вас на работе есть какие-нибудь проблемы?

— Сейчас все уже улеглось. У меня хорошие взаимоотношения с коллективом, с детьми, и я себя чувствую на работе как рыба в воде. Меня пытаются унизить, подставить, пользуются всякими приемами, но у них нет контраргументов. На меня пишут бумаги в стиле «черного пиара». А у нас так: если тебя обмазали в грязи – это твоя проблема. Как очищаться – думай сам. У нас тут деревня, и слухи разносятся мгновенно, вызыва-

ют насмешки, пересуды и т.д. Люди, спившись, ни про что не думают. У нас нет работы. Один как сыр в масле катается, а другой даже честным трудом не может заработать. А пить можно до утра.

— А наркомания?

— Этого поменьше. Если и есть случаи, то встречаются только в сельском ПТУ. Они все новогрудские, лидские, т.е. «привозные». Местные дети, из местных семей только слышали об этом, некоторым охота попробовать, но вспышек нет. В районе был зарегистрирован один факт заболевания ВИЧ, но тоже «привозной». Народ здесь, как мне кажется, достаточно набожный, тихий, дети хорошо воспитаны. Хуже всего себя ведут дети милиционеров и начальников. Они стараются сразу перехватить инициативу, лидерство, они идут в БРСМ, их делают знаменосцами.

Кроме того, у нас существует местная миграция. Дети разъезжаются по городам. Те, кто становятся специалистами, редко возвращаются назад.

5 сентября, поселок Радунь (Гродненская область)

Иван Фесенко, историк, директор краеведческого музея.

— Я по национальности белорус, мать – полька, отец – украинец, а я белорус, потому что на этой земле родился, получил образование, живу тут. И дети мои тоже здесь родились.

— Что вы можете сказать по ситуации с Союзом поляков?

— Съезд Союза поляков, который состоялся в Волковыске, сознательные поляки не признали. Власти потеряли контроль над организацией, и им нужен был «свой» человек в руководстве. Настоящие поляки на этот съезд не поехали. Что тогда делает вертикаль? В п. Заболотье председатель местной организации СПБ отказался провести собрание по выдвижению делегатов на съезд. Приезжает туда зампредседателя райисполкома и сам проводит это собрание. Райисполком не имеет на это права, а зампредседателя – не член организации, а человек от «вертикали». Тем не менее, собрание проводится. На нем выдвигаются депутаты на районный съезд. В районе проводится выдвижение делегатов на съезд в Волковыск и тоже с нарушениями.

Автобус для делегатов выделяет БРСМ (Белорусский Республиканский Союз Молодежи – ред). А чтобы по дороге они

не разбежались, в автобус садят «сопровождающего» — начальника отдела по идеологии исполкома. И вот идеолог везет представителей Вороновского района на съезд в Волковыск.

Одна из моих знакомых там была и сказала, что их силой заставляли ехать, иначе грозили выгнать с работы. Она поехала, но голосовала по всем вопросам «против».

Этот съезд полностью контролировала вертикаль, государство вмешалось в дела общественной организации еще на этапе подготовки съезда. Перед мероприятием на местах с каждым «делегатом» провели беседу. С ними разговаривали председатель и заместитель председателя исполкома. Разговор был на предмет «голосуйте, как все» и «вовремя поднимайте руки».

— Какие отношения между национальными группами: литовцами, поляками, белорусами, татарами и др.?

— Четыре года назад ко мне приехали из КГБ и говорят: «к нам поступили сведения, что белорусы начинают замышлять что-то против поляков, поляки против литовцев и т.д.» Я говорю, что никто не начинает, пока государство само в огонь не кидает. А потом становится в позу и начинает нас «мирить». Сначала разжигает конфликты, а потом мирит. Это явно по-коммунистически. Государству выгодны национальные и межконфессиональные конфликты. Суета вокруг Союза поляков на Беларуси выгодна только властям. Им нужно запугать людей, пустить слух, что «поляки хотят отделиться». Это все идеология, направленная, прежде всего, на обывателя, мещанина, которого можно запугать. Так уже было в истории. Это все мы уже проходили.

— Когда начались проблемы с Союзом поляков, как на это реагировало местное население?

— Интеллигенция сразу поняла, для чего это все делается. А простому крестьянину сегодня ... Крестьянин злой. У него все колхоз забрал. Сегодня надо понимать следующее: деревня уже не такая «лукашенковская», как многие думают. Например, я собирал подписи в деревне возле Радуни. Захожу в первые дома. Там бабки стали возмущаться Лукашенко. В центре деревни тоже «завелись» против него. Вот какие у нас деревни. На съезд СПБ в основном были делегированы учительницы, молодые женщины. Мужчин там было немного, и те напуганные. Перед отъездом с каждыми разговаривал зампредседателя райисполкома. Давление было такое: «прогоним с работы». Но даже после этого на съезде многие голосовали «против».

— Как вы думаете, фальсифицировали ли результаты голосования на съезде в Волковыске?

— Конечно. А что вы думаете, там все единомышленники собрались? Многие поехали «из-под палки», но голосовали все равно «против». В Радуни самое сильное отделение Союза поляков, и оно тоже раскололось. Тут всегда был оплот СПБ, а Тадеуш Гавин здесь большой авторитет. Здесь больше всего поляков в Беларуси. Все такие районы имеют право на самоуправление, а наше государство этого боится. Но самоуправление – это нормально. Пока не будет самоуправления, ничего не будет.

— Как вы думаете, как далее будет развиваться ситуация вокруг Союза поляков?

— Нынешний председатель Лучник – это «карманный» человек власти, и власть всегда будет ориентироваться на него. Но они сделали «черное» дело, сами под себя подложили бомбу. Сегодня польская организация поделена. Фактически разделение состоялось во время последних парламентских выборов. Тадеуш Кручковский хотел баллотироваться здесь, по Вороновскому району. Но ему здешние поляки сказали напрямую: «Сюда не лезь». Он только пару сотен подписей собрал и, как у нас говорят, «пшикнулся». Это значит, что уже тогда он никакой поддержкой здесь не пользовался. Что мы его не знаем, что ли? Знаем. Сегодня я думаю, что государство добилось того, чего хотело. Во-первых, раскололо общественную организацию. Вовторых, сейчас официальная организация Союза поляков – это правая рука государства. Большинство патриотически настроенных поляков в Вороновском районе, которые стояли у истоков создания СПБ, эти изменения не признали. А как сегодня такая организация может работать? Приедет руководитель – и к кому он пойдет? В райисполком что ли? Пускай идет.

— То есть к людям он не пойдет?

— А к кому? В райисполкоме поговорит с заместителем председателя. И все. К каким людям он пойдет, если его не признали? К тому, кто выбирал, к тем и надо идти. А руководители местных общественных организаций как были, так и остались честными поляками. Они на этот съезд не поехали и никого не делегировали. Практически все. Власть сама проводила конференции и выдвигала кандидатов.

— Как поляки относятся к белорусам, а белорусы к полякам и русским? Как те, кто здесь родился, относятся к приезжим?

— Когда в 1975 году я приехал в Радунь после окончания Белгосуниверситета, многие, встречая меня на улице, обзывали «советом». Но потом поняли, что я хороший человек, настоящий белорус, и изменили свое отношение. А так здесь всегда тех, кто приезжал с востока, называли «советами».

Расскажу про себя. Я литовской общине в Пелявах помогал организовывать музей. У меня сегодня прекраснейшие отношения и с татарами, и с литовцами, и с поляками. И так у всех здесь. Никто не нагнетает обстановку. Никогда вражды не было. Хотя район приграничный. Тут всегда жили люди разных национальностей и разных конфессий. И всегда были взаимопонимание и согласие.

Но когда власть раскручивает этот идеологический пропагандистский маховик, тогда люди начинают смотреть друг на друга по-иному. Начинают смотреть с вопросом: «кто ты?», «кого поддерживаешь?» То есть власти сегодня надо «разрубить» ситуацию, а потом стать в позу защитников и миротворцев.

— Какова религиозная ситуация в Радуни?

— Ближайшая православная церковь – в Вороново. В Радуни есть православная община Ефросиньи Полоцкой численностью около 1,5 тыс. человек. Сам я тоже православный, а жена – католичка и полька. Точно так же было и в моей семье – отец православный, а мама – католичка, родом из Кракова.

6 сентября, город Гродно

Тадеуш Гавин, основатель Союза поляков на Беларуси

— Нет никакого конфликта между белорусами и поляками, которые живут тут, в Беларуси. Есть конфликт между поляками и властью.

— Чем этот конфликт вызван и на чем он основывается?

— В Беларуси уже давно идет процесс подчинения государственными структурами всех общественных организаций и партий. И вообще, все, что живет и шевелится в стране, должно быть подчинено. Как результат — две партии Белорусского народного фронта, три социал-демократические партии, две партии коммунистов и т.д. Все это плоды такой политики. С 1990 по 2000 год Союз поляков был действительно независимой самостоятельной и суверенной организацией. Союзом не манипулировали ни польские власти, ни официальный Минск. Мы вели свою независимую политику. Такая возможность была, несмотря на то, что финансировалась организация из Варшавы.

В 2000 году властям удалось «провести» на должность председателя Союза своего человека. С этого времени по март 2005 года Союз был подчинен властям. Власти манипулировали СПБ как могли. В 2005 году на мартовском съезде мы избрали нового председателя, который должен был вернуть Союзу независимость и, как следствие, возобновить сотрудничество с белорусскими демократическими организациями. Это напугало режим. А больше всего напугало то, что такая огромная организация уходит из сферы влияния власти.

— Почему режим заинтересован в том, чтобы руководить СПБ через своих людей?

— В преддверии президентских выборов нейтрализовать Союз или сделать все, чтобы организация стала на сторону режима, — одна из задач. Этой заинтересованностью и воспользовались силы в СПБ, которые проиграли выборы внутри организации. Они умело преподнесли властям, что их ожидает, если избранное в марте руководство не будет смещено. Властям объяснили, что в СПБ пришло руководство, которое будет сотрудничать с белорусскими организациями, с оппозицией и не будет поддерживать действующего президента на выборах. Они умело сыграли на чувствах режима, и режим включился в процесс. В результате мартовский съезд и руководство, которое на нем было избрано, Минюст посчитал нелегитимным. Начался конфликт между новоизбранным главой Союза и властью, которая заинтересована иметь в руководстве своих людей. Это им удалось. В Волковыске на повторном съезде во главе организации власть поставила своего человека – Юзефа Лучника и назначила своих людей в руководстве.

Я хорошо знаю тех, кто вошел в правление и в совет Союза. Председатель не имел никакого влияния, всем руководила власть. Мы этот съезд признаем нелегитимным. Мы признаем тех руководителей Союза, которые были избраны в марте этого года. Только они являются единственно легитимными. Они должны будут и далее руководить организацией.

— Фактически получается двоевластие: есть руководство Союза, которое признают власти, и есть руководство, которое признает Варшава…

— … и есть члены союза, которые здесь живут и работают.

Говорить о правах национальных меньшинств в сегодняшней Беларуси непросто. Сегодня не соблюдаются права коренного населения – белорусов. Титульная нация не имеет своих

белорусских школ, белорусская культура практически не развивается.

Мы, польская община, отдаем себе отчет и понимаем, что только в демократической Беларуси можно будет говорить о полноценном развитии национальных меньшинств, в том числе и нашего сообщества.

— Как сегодняшнее провластное руководство СПБ аргументирует свою позицию? Как они объясняют сотрудничество с властью? На чем построены их аргументы?

— Я хорошо знаю всех этих людей. Часть из них работала под моим началом. Новый председатель сказал, что «он пришел в Союз, чтобы спасти организацию от делегализации и распада» и т.д. Я хочу сказать только одно: с людьми, которые его сейчас окружают, спасти организацию нельзя. Ее можно только гробить. Эти люди не имеют ни морального, ни какого-нибудь другого авторитета среди польского национального меньшинства в Беларуси. Более того, мы подозреваем их в агентурных связях со спецслужбами. Многие из них еще во времена Советского Союза готовились властями на случай ввода советских войск в Польшу. Им уже были гарантированы должности в газетах, журналах, которые должны были издаваться здесь и распространяться в Польше. Это мы знаем, и сами они об этом высказывались в прессе.

— Какова была реакция рядовых представителей польской общины на эти события?

— Существует большой дефицит информации. Не имеют достаточно информации и представители польского национального меньшинства. Те, кто слушает польское радио, смотрит польское телевидение или читает польские или белорусские независимые газеты, те, естественно, занимают позицию, созвучную с моей. Но в основном люди информированы плохо. Многие вообще ничего не знают об этом конфликте. Тем не менее, большинство на стороне руководства, избранного в марте.

В списке делегатов Волковысского съезда практически не было региональных председателей нашей организации. Не было людей, которые имели бы хоть какой-то авторитет. Они просто не приняли участия в этом балагане. Это говорит о многом. Многие руководители организаций полностью проигнорировали этот съезд. Власть сама выбирала людей. Я видел список главного правления. Я знаю всю эту «кухню». Если в правление вошел журналист «Гомельской правды» из г.Гомеля, начальник

отдела культуры Миорского райисполкома … О чем тут можно говорить.

Юзеф Лучник, который стал председателем Союза, вообще не ориентируется в масштабах республики. Он не мог назначить этих людей. Фамилию журналиста из Гомеля я слышу впервые. Для меня абсолютно ясно, что этих людей подбирала власть.

Власть выбирала делегатов, власть их туда свозила, власть этот съезд провела. Это ничем не прикрытое, грубое вмешательство в дела независимой неправительственной организации.

— Конфликт вокруг Союза поляков сопровождался агрессивной пропагандистской кампанией, которую развернули государственные средства массовой информации. Имела ли эта кампания негативный эффект на уровне межличностных отношений в регионе?

— Нет, потому что люди все понимают. Сегодня никто не доверяет государственным средствам массовой информации, тем более телевидению. Моя невестка работает в больнице, где в основном работают белорусы. Она рассказывала, что сотрудники, зная ее, зная, из какой она семьи, поддерживали ее, проявляли сочувствие и понимание.

— Как идет работа внутри организации в такой ситуации двоевластия?

— Пока эта ситуация не получила развития. Главная сложность в том, что все имущество Союза теперь принадлежит людям, которые пошли на сотрудничество с властью. А из всей, довольно большой, собственности СПБ у нас практически ничего не осталось. Но я думаю, что главное не это. Союз — это не дома и не имущество. СПБ – это люди. Для того чтобы встречаться и проводить работу, не надо иметь огромное здание. Можно встретиться у кого-то дома, пригласить к себе. Важно и то, что все понимают, что произошло.

— Вы сказали, что нелегитимные делегаты присутствовали на повторных выборах и что многие из них вообще не являлись членами организации. Ведь владея этими материалами, можно добиться правды правовым путем…

— Мы планируем собрать эти документы и подать в Верховный суд. Вообще, сам процесс отмены съезда и признание мартовского съезда нелегитимным является нарушением белорусских законов. Министерство юстиции не имеет права отменить съезд. Это может сделать только Верховный суд, поскольку мы — Республиканская организация. Уже в этом есть нару-

шение. Но сегодня Беларусь — это страна, где закон глубоко попирается.

Например, когда я получил 15 суток и отбывал арест, против меня была совершена провокация. Меня осудили и добавили еще 15 суток. Все, в том числе и судья, понимали, знали и видели, в чем дело, но все равно осудили, потому что есть политический заказ. Так и с организацией. Есть политический заказ – законно избранное руководство не признать, а поставить свое. Но я думаю, что в суд подавать надо, хотя он ничего и не решает.

— Какая именно провокация в ваш адрес была совершена?

— В камеру, где отбывали заключение я и еще один человек, подселили уголовника. Сокамерника вывели на работу, и мы остались с ним вдвоем. Он начал ко мне приставать, провоцировал драку, ругался и матерился. Затем меня обвинили в его избиении. Это было сделано, чтобы исключить мое присутствие на съезде в Волковыске.

— Где наиболее сильные организации Союза?

— В Гродно, Лиде, Барановичах, Минске.

Я не считаю, что сегодняшняя ситуация вокруг СПБ – это какая-то неотвратимая трагедия. Просто люди на какое-то время получили все имущество Союза во временное пользование. Пусть попользуются — год, два, пять, может быть, десять лет... Но все равно, в конце концов, все вернется к законно избранным. Причем не надо будет проводить новый съезд, просто те, кто были законно избраны, вернутся в организацию и будут ей руководить.

Я думаю, что власть сейчас планирует следующее. Когда весь Запад — Европа, Америка, Польша — настроены критически в отношении режима А. Лукашенко, то, поставив во главе Союза своих людей, власти будут стараться вынудить их сделать политическое заявление накануне президентских выборов. Чтобы все выглядело так: «Польша против Лукашенко, а «наши поляки» – за». Не исключено, что такая политическая акция готовится. Это было бы позором для нас, поляков, проживающих в Беларуси. Мы не согласны с таким мнением.

— Как вы видите перспективу развития ситуации, дальнейшего развития польской общины в Беларуси?

— Власть будет поддерживать руководство, которое она поставила во главе Союза поляков. Естественно, будет контролировать все их инициативы. Деятельность СПБ, скорее всего,

ограничится одним фольклором. Не будет разрешено строительство и открытие новых польских школ. Будут создаваться препятствия преподаванию польского языка. С другой стороны, мы понимаем, что нельзя сегодня развивать польский язык, открывать польские школы, когда закрываются белорусские. Поэтому фольклор – все, что остается. Привести куда-то польский ансамбль: «Посмотрите, как у нас все хорошо, как поют, танцуют. Все ОК!». А в польскую школу в Гродно в этом году пришло всего 13 человек. Такой недобор – результат государственной пропаганды. Такое случилось впервые за всю историю. Когда мы начинали польскую школу в Гродно, было четыре параллельных польских класса. В прошлом году пришло 40 детей, в этом году — 13...

— То есть можно сказать, что сейчас власть перевела деятельность организации из этнокультурного поля в юридически-правовое. Собираетесь ли вы, не смотря на это, поддержать демократического кандидата на будущих выборах?

— Да, мы будем работать среди польского национального меньшинства, агитировать и убеждать, голосовать за кандидата от демократической оппозиции. Вне всякого сомнения. Потому с нами так и боролись, поскольку знали, как мы мыслим, и какими будут наши действия.

— Какие у вас отношения с белорусскими демократическими силами?

— Самые хорошие. Мы находимся в постоянном контакте с демократическими партиями и организациями. Есть только одна проблема – у нас сегодня нет выборов. Я выдвигал свою кандидатуру в парламент, собрал около 10 тыс. подписей. Меня нагло не зарегистрировали. Сегодня у нас нет выборов в местные советы, нет выборов в парламент, нет президентских выборов. Созданы такие избирательные комиссии, которые выдают результат, подготовленный в коридорах власти.

Я был наблюдателем на выборах и видел, что сегодня даже голосов никто не считает. Когда за участие в пикете человеку дают штраф в размере 2,5 тыс. долларов, или 15 суток ареста... А если этот человек не может заплатить, к нему приходит судебный исполнитель и описывает имущество. Кому это понравится? Сегодня нас лишили последнего права — обоснованного протеста против беззакония властей. Сегодня нельзя протестовать. Власть может делать все что хочет, но высказать свой протест человек не может. Так сегодня составлены законы.

— Как вы относитесь к расширению Евросоюза и вступлению Польши в ЕС?

— Мы это приветствуем. Высокий уровень экономического развития Польши благоприятен и нам. Благодаря этому процессу белорусы убедятся в том, что лучше дорога на Запад, чем на Восток. Лучше Европа, чем Азия.

— Больше года Польша и Литва являются членами ЕС. Как это, на ваш взгляд, повлияло на жизнь региона? Вступление имеет позитивные или негативные последствия?

— Я думаю, что отношение в регионе к соседним государствам не изменилось. Вступление в Евросоюз повлияло на возможность пересечения границы. Сейчас для того, чтобы поехать в Польшу, надо получить визу. Это создает определенные неудобства. Но ведь Польша предлагала Беларуси вариант визового режима, который действует между Польшей и Украиной: Польша дает бесплатные визы для белорусов, взамен поляки могут ездить в Беларусь без виз. Но наши власти отказались. Это, наверно, единственный негативный фактор. В остальном ничего отрицательного в связи со вступлением в Евросоюз в регионе не произошло.

Я думаю, что Польша может быть нам хорошим примером и показывать, как может жить Беларусь в будущем. Хоть и там есть проблемы, например, безработица. Но, тем не менее, видны положительные перспективы, Польша меняется. Каждый раз приезжая туда, я вижу позитивные изменения. Они видны невооруженным глазом. Климат в обществе там совершенно другой. Люди живут иначе, чем у нас. В сфере политических и гражданских прав там больше свободы. Например, по польскому телевидению всегда можно увидеть несколько точек зрения. У нас человек просто задавлен аппаратом власти, пропагандистским телевидением и радио. Люди в Беларуси закрепощены.

6 сентября, город Гродно

Мечислав Яскевич, председатель Гродненской городской организации Союза поляков, и Анджей Пачобут, главный редактор журнала «Magazyn Polski» («Магазын польски» — «Польский журнал»).

Анджей Пачобут

— Логика развития событий в Беларуси показывает, что пространство свободы сильно сужается. Сегодня крупная общественная организация не может быть неподконтрольной влас-

тям. Она даже не может быть нейтральной. Союз поляков на протяжении последних трех лет был полностью под контролем власти. Такая ситуация сложилась из-за личности председателя – Тадеуша Кручковского. В 2000 году он был избран, а с 2002 г. начал сворачивать деятельность организации. Он не боролся за права поляков, все острые моменты он сглаживал, чтобы все было тихо, спокойно. Когда пришло время перевыборов (председатель СПБ избирается один раз в четыре года), то Тадеуш Кручковский с согласия властей стал оттягивать выборы.

— Как это происходило?

— Выборы должны были пройти осенью 2004 года. Власти разрешили Кручковскому быть председателем организации до 2005 года, тем самым нарушив Устав. Министерство юстиции выдало ему бумагу, что он может отложить выборы.

— На каком основании?

— Для Министерства юстиции он мотивировал отсрочку выборов тем, что у организации нет финансов. Но это абсолютная ложь, поскольку польская сторона, которая финансировала деятельность организации, в любой момент была готова дать деньги на проведение съезда. Тадеуш Кручковский говорил, что нет финансов, и Минюст выдал ему бумагу о том, что съезд можно не проводить. В то же время внутри СПБ была группа людей, которая не соглашалась с такими грубыми нарушениями Устава: не собирались главные советы, руководство организации осуществляел один человек. На этих фактах основывался внутренний конфликт в СПБ. Кроме того, Кручковского обвинили в моральной и финансовой нечистоплотности.

Еще перед мартовским съездом власти оказывали очень сильное давление на делегатов. Во всех регионах страны руководители идеологических отделов встречались с делегатами и говорили, за кого голосовать. Однако, не смотря на это, голосование было тайным. Я думаю, что если бы голосование было открытым, то Анжелика Борис не победила бы, потому что люди побоялись бы в открытую за нее голосовать.

Давление было очень сильным. В связи с этим даже есть заявление МИД Польши, где говорится о запугивании членов Союза поляков на Беларуси. Особенно выразительными эти факты были в Брестской области, например, в Пинске.

Был такой случай. Попов – руководитель отдела по делам религий и национальностей Гродненского облисполкома — прямо на съезде подходил к делегатам и говорил: «Смотри, я за

тобой наблюдаю, ты помнишь, как я к тебе приезжал и говорил, за кого надо голосовать». Но, несмотря на это, голосование было тайным, и это спасло ситуацию. Счетная комиссия считала голоса правильно, и благодаря этому победила А. Борис.

В первый день после съезда, когда она вышла на работу в качестве председателя, к ней пришел человек и предложил сотрудничество с Комитетом государственной безопасности. Ей сказали, что если она не будет сотрудничать, то случится следующее … В принципе, все это и случилось. Она отказалась. И с этого момента власти пошли напролом. Они делали все, чтобы уничтожить А. Борис. Когда ее сломать не получилось, они начали стараться сломать организацию.

Мечислав Яскевич

— Польский дом в Гродно штурмовал ОМОН. Были применены грубые силовые методы.

Анджей Пачобут

— 12 мая 2005 года Минюст вынес решение о том, что мартовский съезд был незаконным.

– **На чем это решение основывалось?**

– Документ абсолютно «высосан из пальца». Обвинения надуманные. По этим же основаниям можно было отменить любой съезд Союза поляков. Дело в том, что при Союзе действуют зарегистрированные общества, например, жертв политических репрессий, участников Армии Крайовой, ветеранов, врачей и т.д. От этих организаций всегда выдвигались делегаты начиная с первого съезда. А тут говорят, что так выдвигать депутатов – это нарушение. Все знают, что газета польского национального меньшинства «Глос з-над Немна» является не самостоятельным юридическим лицом, а структурным подразделением СПБ, и всегда от газеты на съезде присутствовал делегат. Вдруг Министерство юстиции говорит, что нельзя, чтобы от газеты присутствовал делегат, поскольку «газета – это самостоятельное юридическое лицо». Они не удосужились даже связаться с Министерством информации, чтобы выяснить, как все на самом деле. Основания для вынесения решения о незаконности съезда абсолютно надуманные и ни на чем не основанные.

По вине властей при перерегистрации общественных объединений некоторые местные структуры Союза поляков не были зарегистрированы. С делегатами от таких структур тоже были проблемы, хотя они члены СПБ. Кроме того, известно, что был план властей в случае проигрыша их кандидата отменить съезд.

Тадеуш Кручковский на Раде лоббировал принятие некоторых решений по поводу делегатов, а потом эти решения, которые он «проталкивал» в Раде, оказались нарушениями, и к ним придрались в Минюсте. Например, он требовал, чтобы были делегаты от общества историков, польских ученых. Оказалось, что этих структур фактически нет, а существуют они только на бумаге. Два протокола были Т. Кручковским подделаны.

— Один из серьезных аргументов, предъявленных властями, — это регистрация членов организации. Разве белорусская Конституция не гарантирует свободу объединений?

— Да, в белорусской Конституции это разрешается.

Есть еще одно интересное обстоятельство. Министерство юстиции отменило результаты съезда, но не вынесло организации предупреждения. Оно выставило рекомендацию: мы вам рекомендуем провести повторный съезд. В ответ собралось главное правление, избранное на съезде единогласно, вынесло решение о том, что никакого повторного съезда не будет, поскольку рекомендация Минюста имеет политический характер. Это было юридически обосновано и аргументировано. Ответ главного правления СПБ Минюсту был разослан в СМИ и получил огласку. После этого было бы логично, чтобы Министерство юстиции вынесло предупреждение СПБ. В этом случае мы могли бы обжаловать действия Минюста через суд. Но предупреждения не последовало.

Вместо этого государственные органы начали оказывать сильное давление на СПБ. Была захвачена и фактически национализирована властями газета. От редакции газеты в печать «Глос з-над Немна» не принимали. Одновременно где-то готовилась газета с таким же названием, но СПБ к ней не имел никакого отношения. Эта газета печаталась и использовалась для дискредитации избранного руководства. Она издавалась с нарушениями. Например, не указывалась фамилия главного редактора. Таким образом, власти развязали информационную войну.

— А сейчас кому принадлежит газета?

— Принадлежит руководству Союза, признанного властями. Но сейчас там написано, кто главный редактор. Однако в течение месяца газета выходила с нарушениями. Никто не хотел под ней подписываться, под этой газетой. Любой человек мог видеть, что газета выходит с нарушениями. Фактически ее редактировали спецслужбы. Потом брат Т. Кручковского подписался под ней. Но все знают, что брат ни писать, ни читать по-польски не умеет.

— Каким вы видите дальнейшее развитие этого процесса?

— Я думаю, что будут существовать две организации. Одна — организация, которую признает Польша и большинство членов СПБ. А другая — которую признает беларуская власть.

— Будете ли вы отстаивать решения мартовского съезда?

— Мы обсуждали эту ситуацию. Вероятно, мы напишем жалобу и подадим в Верховный суд. Но никакой возможности отстоять эти решения мы не видим. Я приведу еще один пример беззакония. Когда я ехал на съезд в Волковыск, меня задержали, доставили в милицию, потом отвезли в Гродно, затем завезли обратно в Щучин, где предъявили постановление о возбуждении уголовного дела против меня. Когда я приехал в Щучин, мне ко всему еще и показали протокол, что в 12 часов того дня (как раз то время, когда меня возили в Гродно) я ругался матом возле Щучинского РОВД. Я был осужден.

Мечислав Яскевич

— Точно так же и я был осужден. Меня обвинили в подготовке и проведении несанкционированного митинга 27 августа. Мне показали протокол за 27 число. А я говорю: «Еще же только 26-ое, я же еще туда не дошел, не доехал ...» Просто надо было изолировать людей.

— Расскажите поподробнее о репрессиях в отношении членов Союза поляков.

— Возбуждено уголовное дело в отношении четырех человек, в том числе и меня. Ситуация выглядела так. Мы приехали с проверкой в Щучин. Там находится Польский дом, который принадлежит нашей организации. Проверка была вызвана тем, что директор Польского дома, сторонник Т. Кручковского, половину дома сдал в аренду. Договор об аренде составлен на безвозмездной основе. Это значит, что помещения переданы коммерческим фирмам, но официально за аренду никаких денег организация не получала. Ситуация странная. В любой стране подобное расценивалось бы как скрытая коррупция, и этим должны были бы заниматься правоохранительные органы. Однако правоохранительные органы бездействовали. Мы приехали, посмотрели и убедились в том, что оплата за эти помещения берется. Мы поговорили с руководством фирм, которые подтвердили, что платят директору Польского дома наличными. Когда он увидел, что мы во всем разобрались, он написал, что мы ему угрожаем. Сейчас возбуждено уголовное дело против нас по ст. 85 – принуждение.

Кроме того, нас неоднократно задерживали, арестовывали без повода. Властям очень не нравилось, когда мы ездили по регионам, встречались с лидерами региональных структур. Это их просто бесило.

— Как Вы планируете защищать свои права?

Анджей Пачобут

— Мы думаем о подаче и рассмотрении нашего дела в комиссии по правам человека ООН. Юристы нам советуют именно такой путь, хоть он растягивается на пять лет. Мы занимаемся юридическими вопросами, хоть, как мне кажется, нам сейчас важнее сохранить наши структуры. Мы будем ездить по регионам и все силы хотим направить на то, чтобы было принято решение подать жалобу в Министерство юстиции. Если там нам откажут (в чем мы не сомневаемся), мы обратимся в Верховный суд. Решение Верховного суда тоже можно прогнозировать. Но благодаря этой тяжбе будет публично оглашено, как проводился съезд и выдвижение делегатов на него.

Фактически властям ни в одном регионе не удалось собрать кворум. Они проводили собрания, но кворума не было. Например, в Заболоцком отделе СПБ около 700 членов. На первом собрании там было 5 человек. Когда это показали по польскому телевидению, было собрано второе собрание, на котором присутствовало уже 60 человек, из которых 32 не являлись членами организации. Они дружно проголосовали. Многие из присутствующих даже не понимали по-польски, просто поднимали руки. Ситуация была абсурдная. Съезд готовили даже не Т. Кручковский и не Ю. Лучник, — якобы теперешние лидеры, — а власть.

Я сам встречался с Ю. Лучником за день до главного Совета, в котором он принял участие. Я к нему приехал и сказал: «Вы уважаемый человек, один из создателей организации, как вы можете туда ехать?» Он мне ответил: «я пообещал». И добавил, что он пообещал не Т. Кручковскому.... Кому? Потом мы узнали, что к нему приезжали достаточно высокие власти на разговор.

— Как сказалась эта ситуация на тираже газеты «Глос з-над Немна»?

— Тираж упал наполовину. Было 5 тысяч, а сейчас около двух. Я думаю, что тираж не поднимется.

Мечислав Яскевич

— Местные люди теперешний «Глос з-над Немна» называют «годинувка». «Годинувка» — это газета, которую издавали

немцы во время оккупации Варшавы. Она выходила по-польски, но это была не польская газета, а газета фашистской Германии. И поляки назвали ее «годинувка», от польского «гады», что значит «ящерицы, змеи и другие пресмыкающиеся».

— Как эта ситуация отразилась на уровне городской организации?

— Последний съезд мы вообще не считаем съездом. Перед ним было проведено собрание городского отдела СПБ. Об этом собрании вообще никто ничего не знал. Собрание было проведено в тайне, в польской школе. Его провела директор школы. Кто и каких делегатов там выдвигал — неизвестно. В Гродно об этом узнали пост фактум.

6 сентября

Наталья Макушина, журналистка, освещала события, связанные с конфликтом вокруг Союза поляков, в негосударственных изданиях.

— По происхождению я россиянка, «дочь захватчика». Живу здесь. Пишу по-белорусски, знаю польский язык, работаю журналистом газеты «Биржа информации». Для нас Польша всегда была заграницей. В 70-х гг. появилась первая возможность поехать туда... Это было очень даже серьезной заграницей. Это была другая эстрада, другие газеты, другое телевидение. Они открыто говорили про «советский свинюшник», а мы об этом могли говорить только шепотом. В приграничье очень сильны связи с поляками. У нас тут «другие мозги».

— Как вы оцениваете конфликт вокруг Союза поляков? Каковы его мотивы? Почему такое обострение началось именно сейчас?

— Прежде всего, это конфликт прежнего руководства Союза поляков и власти. Он очень давний и начался не сегодня. Некоторые пытаются его представить как «новый» по непониманию или по незнанию, или специально извращают факты для того, чтобы неверно подать информацию. Но это не так, конфликт давний.

Некоторые хотят представить ситуацию так – одни поляки не сошлись характерами с другими поляками и сейчас они борются за распределение финансовых потоков, которые идут из Польши. Это абсолютно неверно. Я давно знаю тех людей, которые создавали Союз поляков. Одни из них Тадеуш Гавин. Теперь его называют почетным председателем СПБ. Тадеуш Га-

вин от самого дня основания организации и до 2000 года был ее главой. В 1999 году появилось письмо из Комитета по делам религий и национальностей, которое было направлено в Минюст с просьбой приостановить деятельность СПБ. Там открытым текстом называлась причина: «Тадеуш Гавин занялся оппозиционной деятельностью, завязал контакты с БНФ (а БНФ – это вообще ругательное слово в нашей стране)».

По этому поводу Совмин дал поручение Комитету по делам религий и национальностей. Сотрудник Комитета Уральский подготовил «Записку о деятельности Союза поляков». В записке шла речь о том, как работает организация, о ее уставных целях и задачах, говорилось, что «председатель на самом деле связался с оппозицией», в СПБ «оппозиционеры свили свое гнездо», а «в польских школах неверно трактуют историю

30-х годов» и т.д. На основании этой записки в 2000 году состоялся переворот в СПБ. К власти был приведен Т. Кручковский. Это абсолютно точно. Одна из молодых журналисток была на съезде СПБ в 2000 году, когда проходили перевыборы. Гавин уже не мог оставаться у власти. Это было очевидно. Он 12 лет возглавлял организацию, и ему надо было уходить. Случилось так, что только эта журналистка имела мобильный телефон. В тот момент она работала на гродненском телевидении. Ей позвонил сотрудник Комитета госбезопасности, который работал на телевидении, и открытым текстом приказал: «будешь сообщать обо всех нюансах, потому что мы сейчас тут ставим своего человечка, если что-то будет не так — звони». Она говорит, что не звонила. Это просто не понадобилось. «Человечек» был избран.

Власть не хотела, чтобы Союз поляков возглавляло такое руководство, которое было избрано в 2005 году, на мартовском съезде. Да, на съезде были нарушения, как и на любом другом съезде любой общественной организации. Если покопаться, их можно было бы найти. Т. Гавин рассказывал, что в день съезда он обратился к Уральскому еще до того, как была избрана Анжелика Борис и все будущее руководство, и спросил у него, зачем он «валит» СПБ. На это ему ответили: «Это вы сами «валите» Союз поляков, и вы скоро сами в этом убедитесь».

Я добивалась и у Т. Кручковского, и у нового председателя СПБ Ю. Лучника примеров политической деятельности прежнего руководства. Не было дано никаких конкретных ответов. Газета «Советская Белоруссия» «проболталась», что якобы

СПБ финансировал оппозицию. Там было написано, что «через изменение власти в организации пресечены каналы финансирования оппозиции». А что, разве были такие примеры? Такие разговоры надо подкреплять фактами, а фактов нет.

Конфликт Союза поляков – это конфликт власти и части СПБ. Активистов сегодня подвергают всяческим преследованиям. Я думаю, что происходящее – отражение общей ситуации в нашей стране. Все мы вышли из «совка», поэтому все сидят тихо, у каждого своя нора.

Т. Кручковский четыре года работал только на одно – «прихлопнуть» организацию. Он разными способами нарушал Устав. Сейчас, когда на мартовском съезде Союза поляков обнаружили нарушения, Минюст вдруг проснулся. Что же он, не видел, что творилось 4,5 года до этого? В 2002 году голодали члены местного правления из-за того, что правление не собиралось, как это предписано Уставом. В ноябре 2004 года не был созван съезд, хотя срок избрания председателя закончился, и он был обязан созвать съезд для перевыборов. Я спрашивала, почему это не было сделано. В ответ получила: «Не было денег». А финансирование польская сторона прекратила только в декабре, когда правление Гродненской городской организации обратилось с такой просьбой, поскольку деньги где-то терялись...

— В интервью, которое Вы взяли у Тадеуша Кручковского, он представляет себя спасителем Союза поляков...

— Он всегда об этом говорит. И он подводит под свою роль спасителя идеологическую базу. Он говорит о том, что не все в Польше поддерживают то, «мартовское» руководство. Польша такая же страна, как и Беларусь, — одни поддерживают, другие не поддерживают. А большинство людей просто ничего не знает. С газетой «Глос з-над Немна» произошла абсолютная путаница. Люди получают газету, а там... При мне в Союз поляков люди звонили и спрашивали: «Что в этом «Глосе» написано?» Надо было объяснять, что газету уже давно делают другие люди. Это значит, что в регионах люди получали «Глос», но ничего о ситуации не знали.

— Как вы думаете, почему повторный съезд был именно в Волковыске?

— Меня это тоже удивило. В Гродно он не мог пройти, потому что здесь находится самая активная часть польской общины. Следовательно, надо было «запрятать» съезд куда-то в регион. Скорее всего, там был подходящий зал. Хотя, на мой

взгляд, было все равно, где съезд проводить. Но Минская организация полностью отказалась от участия в этом мероприятии.

Это тот раскол, которого добивались власти. В принципе они своего добились.

Вообще ситуация очень похожа на акцию спецслужб по развалу СПБ. Эта общественная организация очень сильная и мощная.

— Насколько реально СПБ мог быть использован в поддержку оппозиции при подготовке «цветной революции»? Насколько серьезны такие опасения властей?

— Я не представляю, как это можно было делать через счета Союза поляков? Никак.

Власти вцепились в СПБ еще и по другому поводу. Дело в том, что лидер СПБ Тадеуш Гавин – сильный и непревзойденный авторитет. Он имел «наглость» и неосторожность баллотироваться депутатом в Палату представителей. Режим все время делит нас на своих и чужих, на плохих и хороших. Это гражданская война, потому что когда я встречаю своих коллег с гродненского телевидения, они прячут от меня глаза.

— Какой вам видится ситуация с соблюдением прав польского меньшинства в регионе? Какой, на ваш взгляд, будет перспектива развития польской национальной общины?

— Община как развивалась, так и будет развиваться. Хотя бы потому, что тот Союз поляков, который не нравился властям, будет существовать, несмотря ни на что. Во главе с Анжеликой Борис. У нас сейчас очень интересная ситуация. Дело в том, что гродненский регион всегда был очень тесно связан с Польшей. Каждый второй здесь говорит по-польски. Поэтому я думаю, что СПБ будет развиваться. А этот «официальный» Союз, признанный властями, будет существовать на деньги государства. Газету сейчас они издают точно на деньги государства. А как они будут вывозить на отдых детей из польских школ? Кто будет финансировать эти программы, если польское государство пообещало поддержку в этой деятельности именно Анжелике Борис?

Самое неприятное – это то, что «мирный договор» сторон невозможен. Переругались так, что примирение нереально.

— Если по численности сравнить эти две группы, какими будут цифры?

— Очень хороший вопрос. Я знаю людей, которые решительно уходят из прогосударственного "лучниковского" союза. Многие из них мои знакомые. Но точных цифр я добиться не могу.

Надо всегда помнить о следующем. Чем поляки отличаются от остальных: россиян, белорусов и т.д.? Для поляков нет ничего страшней, чем слово «большевизм». «Большевики прэч!» — это лозунг «Солидарности», и он действует и сейчас. Все здесь прошли через одну беду – отъем собственности. Когда в 1939 году сюда пришли эти «ребята», бедные встречали Красную армию с цветами, а все остальные пострадали, и таких было большинство. Это не значит, что все были очень богатыми, но каждый имел хутор и землю. Я знаю сотни людей, у которых до сих пор лежат документы с тех времен.

Чем еще «хороша» наша держава, так это тем, что мы очень ловко умеем «приседать», когда с разных сторон приходит опасность. Это никакая не толерантность и не терпимость. Все это ложь и миф. Нет терпимости! Есть абсолютно большевистская по своей природе нетерпимость. Почему разругались обе стороны в Союзе поляков? Это просто нетерпимость друг к другу. Как в одном рассказе, где «хитрые поляки» выбрали двух королей. Так и сейчас у нас. У всех есть дети и внуки, которые, возможно, захотят учиться в Польше. Я и сама у них неоднократно спрашивала: «Вы с кем?» Никто ничего конкретного мне не отвечает. Я не осуждаю их, просто я наблюдаю со стороны. Выступать против Ю. Лучника и против Союза поляков открыто не пойдет никто. А власти будет достаточно и одной тысячи членов СПБ, из которых 500 будет участвовать в фольклорных программах. Таким образом, свою официальную задачу СПБ будет выполнять.

6 сентября город Гродно

Сергей Мальчик, руководитель Гродненской областной организации Партии БНФ

— Есть ли в регионе антипольские настроения?

— Антипольскую истерию каждый день по радио и телевидению устраивает государство. Самое интересное то, что после этих фильмов и передач мы в Гродно столкнулись с такими фактами, которые раньше даже представить себе не могли. Стоим на автобусной остановке, разговариваем по-белорусски, подходит к нам какой-то пьяный и говорит: «Вы тут поляки, мы вам покажем!» Такого не было до начала антипольской кампании. Вначале этот эпизод мы были склонны считать случайностью, но когда подобное произошло второй раз и третий…. Когда я услышал из-за спины «вы тут поляки», то я понял, что это

«оболванивание» народа действует. Второй случай был на вокзале. Меня тоже обозвали, когда я садился в троллейбус и разговаривал по телефону.

Очень негативно относятся к тому, что мы говорим по-белорусски. Это сразу вызывает ассоциации с чем-то польским и провоцирует негативную реакцию. Такая ситуация возникла после истерии в прессе. Я абсолютно уверен, что это целенаправленная кампания. Конфликт с Союзом поляков – это только повод, чтобы разжечь более глубокий конфликт. Режиму нужен враг в виде Запада. Внешний враг нужен, чтобы душить оппозицию. Лукашенко очень боится «цветных революций». И из-за этого страха он старается перекрыть любые контакты белорусов с Западом. Поэтому перед выборами эта истерия будет нарастать.

— Разговор на польском языке может восприниматься раздражающе?

— Когда Западная Беларусь была отдана Польше, на этих землях очень активно шел процесс полонизации. Людей поощряли записываться поляками. Мой отец рассказывал, как его учительница била по рукам за то, что произносил белорусские слова. «Ты учишься в польской школе, значит, ты должен разговаривать по-польски», — говорили моему отцу. В чем-то этот негативизм остался и по сей день. Поэтому здесь разговаривают на местном, западно-белорусском диалекте, на «гаворцы». В этом нет ничего удивительного. Эти люди простые белорусы-католики.

— Но ведь здесь есть и настоящие поляки. Они разговаривают по-польски в магазине или на улице?

— Да, такие поляки есть, но их очень немного. По-польски они говорят в костеле, между собой или в польских школах.

— Сейчас вас с поляками объединяет общая политическая цель – демократия. Даже у самого среднего гражданина есть стереотип, что Польша – это демократия. Это большой плюс, и это рождает солидарность с поляками. Но как только процесс придет в равновесие, наступит демократия, должно возникнуть недовольство по поводу того, что «поляки разгулялись», имеют много прав и т.д. Так подсказывает логика. Этот процесс хорошо заметен на примере Грузии, Азербайджана, Центральной Азии, Прибалтики и т.д. Даже в тех странах, где спокойная политическая ситуация, людей раздражает неместный, чужой язык.

— Я приведу один пример. Мой приятель занимает высокую должность в горисполкоме, и, поскольку я занимаюсь активной политической деятельностью, сейчас мы с ним не общаемся. Пока мы поддерживали приятельские отношения, к нему на работе были бесконечные претензии. Он православный, его жена католичка. Старшего сына они окрестили в православной церкви, а младшего жена хотела окрестить в костеле. Когда он об этом узнал, он отпросился с работы, нашел крестных, забрал сына и окрестил его в церкви. А жене потом сказал, что сын уже окрещен и «дело сделано». Но они нормально живут и после этой ситуации.

Это пример того, что конфликт или определенная напряженность может быть на бытовом уровне на предмет «костел или православная церковь». Так исторически сложилось, поскольку население довольно часто принудительно перекрещивали. Возникнет ли отторжение польского языка и неприязнь… Примеры, о которых я рассказывал вначале, меня насторожили. Раньше я думал, что такого быть не может. Теперь я думаю, что возникновение конфликтов на бытовом уровне не исключено. Это возможно.

— Это конфликт естественный. Но есть другой конфликт – как вписаться в новый мир глобализации? Тогда эта историческая память самосохранения, возможно, будет мешать.

— Возможно, но сейчас для нас эта проблема не актуальна. Сейчас нас заботит то, что 78% белорусов проживает в этой стране, а в школах Гродно нет ни одного белорусского класса. Я добивался через райисполком права для своего сына учиться на белорусском языке. Так и не добился. Белорусский язык преподается как иностранный. Это для нас самая главная проблема. Вторая проблема – самоидентификация нации. Мы хотим, чтобы люди поняли, что они белорусы, и начали этим гордиться. Эту проблему надо будет решать.

Перестроить экономику, изменить принципы государственного устройства, привести их в соответствие с европейскими мерками – это нам предстоит сделать для вступления в Евросоюз. Поэтому процесс вступления для нас сейчас – далекая перспектива. Нам надо будет очень сильно постараться, чтобы привести страну к евростандартам. А без национальной идентификации, без воспитания у людей чувства патриотизма, любви к Беларуси решать другие проблемы невозможно.

6 сентября город Гродно

Владимир Хильманович, председатель Гродненского областного отделения общественного объединения «Фонд имени Льва Сапеги», заместитель председателя республиканского Общественного объединения «Фонд имени Льва Сапеги», публицист, журналист

— Год назад мы обсуждали те же вопросы в рамках миссии РГ. Что изменилось за это время?

— Ситуация существенно изменилась. Изменения в худшую сторону можно почувствовать во время простой поездки по нашему региону. Активистов общественных движений и политических партий постоянно отслеживают. Также под контролем находятся любые миссии, семинары, поездки и т.д. Тотальный контроль осуществляется за местными активистами. Хотя после волны репрессий и запугивания, которая с каждым днем растет, их осталось совсем немного. Ситуация ухудшилась, и можно констатировать, что она ухудшается с каждым месяцем и с каждым днем.

— Создается впечатление, что люди боятся давать интервью, говорить о проблемах в открытую. Так ли это на самом деле?

— Да, действительно. Многие активисты общественных движений, люди, которые никогда не занимались политикой и не участвовали в политических акциях, а занимались, например, культурой, просветительством, сейчас боятся говорить о своей работе. Их запугивают местные власти и руководство учреждений, где они работают. Им угрожают лишением работы. Боятся и те, кто еще год назад готов был открыто говорить с журналистами о проблемах в обществе. Большинство таких людей не идут на контакт и не хотят эти темы обсуждать открыто. Может, они и хотят, но боятся…

Страх потерять работу очень велик. Контрактная система существенно ужесточила ситуацию и держит всех на «коротком поводке». Как только кто-то выскажется против власти, он тут же будет уволен под любым «благовидным» предлогом или из-за завершения срока контракта.

— В небольших городках найти работу – большая проблема.

— Да, в таких городах, как Берестовица, Вороново или Зельва люди, которые потеряли работу из-за политической активности, уже 5-7 лет не могут устроиться. По сути, рынок труда очень сузился. Кроме того, заморожено развитие мелкого

и среднего предпринимательства. Предпринимательство вообще уничтожается. Выживает только крупный или криминальный бизнес, а мелкий и средний собственник – основа правильной экономики и гражданского общества — сознательно и осмысленно уничтожается. «Оттепель» начала 90-х явно миновала. То, что сейчас происходит, — удушение предпринимателей в райцентрах, — об этом ярко свидетельствует.

— Как вы думаете, почему для проведения последнего съезда СПБ власти выбрали именно Волковыск?

— Основная причина в том, что власти постарались вынести съезд за пределы областного центра – Гродно. Там могли быть организованы пикеты, акции протеста. В Гродно легче приехать журналистам. В Волковыске своя специфика. Видимо, поэтому местные власти проявили внимание к местным членам Союза поляков. База для проведения съезда там хорошая – актовый зал в польской школе.

Польская школа есть в Гродно и в Волковыске. «Польский дом» — в Лиде, а в Новогрудке местные поляки не смогли добиться строительства такого дома.

Кроме того, в Волковыске проходили «Дожинки». Это значит, что проводилась тщательная фильтрация всех приезжающих в город. При проведении «Дожинок» была разработана спецоперация по безопасности проведения мероприятия. Поэтому в город не пустили автобус с общественными активистами. Эта система сработала и при проведении съезда СПБ. Целый комплекс причин послужил тому, что местом проведения съезда был избран Волковыск.

— Каким вам видится дальнейшее развитие конфликта вокруг СПБ?

— Я думаю, что развития конфликта между двумя сторонами СПБ не будет. Подавляющее большинство активных членов имеет демократические настроения. Меньшинство проводит угодную властям политику, и оно будет это делать дальше. Никакой конфронтации между ними я не предвижу.

Суть конфликта в следующем: если члены «неофициального» Союза поляков, который сейчас превратился в неформальное движение, будут проявлять публичную общественную активность, они будут преследоваться. На них будут заводиться уголовные дела и т.д. Но между поляками конфликта не будет. Для конфликта нужны две конфликтующие стороны, а их в этой ситуации нет. Есть те, кто были полноправными членами

официальной польской общины (сейчас они оказались вне ее), и есть кучка людей, которые служат режиму и пытаются представить весь Союз поляков на Беларуси.

Белостокское воеводство (Польша)
7 сентября, Белосток
Еженедельник белорусов в Польше «Нива»
Виталь Луба – заместитель редактора, еженедельник белорусов в Польше «Нива»:

— Газета возникла в 1956 году на фоне «политической оттепели», которая началась после XX съезда КПСС.

— Это была правительственная газета?

— На то время ее можно было назвать «правительственной», поскольку других газет тогда не было. Тогда, в 1956 году немного спала напряженность в обществе, и власти подумывали о том, чтобы дать национальным меньшинствам возможность издавать одну газету и разрешить создание одной своей организации. В конце 1955 года подобрался редакционный коллектив «Нивы». В этом же году был организован первый съезд «Белорусского общественно-культурного товарищества». Политические изменения 1956 года ускорили эти процессы.

4 марта 1956 года вышел первый номер газеты белорусов Белосточчины «Нива». В газете освещались проблемы и вопросы жизни белорусского национального меньшинства в Польше. Конечно, «Нива» издавалась в партийном издательстве. Это надо было учитывать. Например, надо было писать согласно с политикой партии. Но, несмотря на такие идеологические ограничения, «Нива» исполняла свою роль и содействовала развитию и становлению белорусской общественности. Газета культивировала и пропагандировала белорусский литературный язык, писала об образовании. «Нива» даже в некоторой степени заменяла учебники. В белорусских школах не хватало книг и пособий, и пока они разрабатывались, готовились к изданию, «Нива» печатала материалы для учителей. Газета пропагандировала народное творчество, печатала материалы для драмкружков и самодеятельных коллективов.

Со временем появилась возможность шире освещать на страницах «Нивы» жизнь и проблемы белорусского населения Белосточчины. Политические условия менялись — были времена сильного идеологического надзора, а затем наступали периоды более свободные. «Нива» реагировала на эти изменения. На ее

страницах начали появляться статьи о белорусских деятелях межвоенного периода, имена которых ранее замалчивались по идеологическим причинам. Таких статей не было в досоветских белорусских изданиях. В 80-х гг. мы начали писать про Антона Луцкевича, про Игната Дворчанина и др., на страницах газеты помещались статьи о нашем наследии, воспоминания о белорусских деятелях, которые жили в Западной Беларуси. Их имена в Советской Беларуси практически не упоминались, а у нас эта информация потихоньку «пробивалась».

В 1989 году, когда в Польше произошли большие политические перемены, «Нива» вышла из партийного издательства и стала издаваться «Белорусским общественно-культурным товариществом». Затем была создана программная Рада еженедельника «Нива», в состав которой вошли представители 7-8 белорусских организаций (всего белорусских организаций больше). Но сейчас «Нива» получает дотацию из Министерства внутренних дел Польши. Раньше издание газеты дотировало Министерство культуры.

Таково решение наших законодателей – вопросы национальных меньшинств должны курироваться не Министерством культуры, а Министерством внутренних дел. Но деньги в любом случае выделяет госбюджет.

Яуген Вапа, редактор еженедельника белорусов в Польше «Нива»: С первого января этого года закон обязал все дела национальных меньшинств в Польше перевести в компетенцию Министерства внутренних дел. Это парадокс! В 70-80-х гг. это полицейское Министерство уничтожало все белорусское. Поэтому у представителей национальных меньшинств (не только белорусов) отношение к нашим новым «опекунам» весьма сдержанное. Министерство внутренних дел курировало эти вопросы до 1989 года. Теперь ситуация повторяется.

— **Чем это можно объяснить? Какова официальная причина такой перемены?**

— Власти говорят, что берут пример с других европейских государств, где система работает именно так. Получается, что последние 16 лет меньшинства не подчинялись Министерству внутренних дел. Мы все вздохнули с облегчением – наконец-то «над нами» нет полиции. А тут снова... Все возвращается к тому, что было до 1989 года. Возникает психологический барьер. Люди хорошо помнят, что значит, когда за всеми делами наблюдает Министерство внутренних дел. Это тотальный над-

смотр, контроль. Все это было. Было запрещено делать все, что имело выраженный национальный характер. Мы это помним. Реально мы сейчас имеем нового «хозяина», который всегда «над нами» и внимательно отслеживает всю нашу деятельность и все наши документы.

— После вступления в Евросоюз что-нибудь изменилось?

— Вступление в Евросоюз означает только большее количество бюрократии, больше бумаг и отчетов. Сейчас для того чтобы вести нормальную деятельность, организации должны иметь сотрудников в штате. А вести дела так, как раньше, неправительственной организации сегодня почти невозможно. Организации не имеют ресурсов и людей для того, чтобы профессионально вести дела. Евросоюз поставил бюрократические препоны перед каждой неправительственной организацией. Это касается не только организаций национальных меньшинств, но и всех неправительственных организаций в Польше. Расчеты и все, что касается различной финансовой ответственности, — этим сейчас надо очень тщательно заниматься. Каждая организация должна иметь в штате нанятого профессионального бухгалтера.

— Усилились ли цензура и контроль со вступлением в Евросоюз?

— Контроля у нас нет. И цензуры в газетах тоже нет. До 1989 года, при социализме, работала превентивная цензура. Перед выходом каждого номера нужно было получить согласие цензора, иначе типография отказывала в печати. Но после 1989 года такая цензура была ликвидирована. По крайней мере, при мне случаев, что кто-то из чиновников нас укорял, в том, что мы то или иное напечатали, не было. Иногда читатели имеют претензии, не соглашаются с нами, но это нормально.

Если содержание статьи кого-то оскорбляет, тогда можно подать в суд. Но таких случаев, по-моему, не было.

— Газета коммерческая или распространяется бесплатно?

— Мы продаем газету, но прибыли от этого получаем мало. Поэтому газета не окупается.

— Есть спонсоры…

— Спонсор – Министерство внутренних дел, которое выделяет нам средства из госбюджета. Всего эта помощь составляет 80% бюджета «Нивы». Есть небольшой доход от продажи газеты. Эта практика принята для всех изданий национальных меньшинств.

В Польше из госбюджета финансируется около 40 изданий национальных общин.

Ганна Кондратюк, журналистка еженедельника белорусов в Польше «Нива», рассказывает о белорусском образовании в Польше:

— Образование на белорусском языке здесь появилось после войны, в 1947 году. Когда началось переселение белорусов в Советскую Беларусь, наше государство надеялось, что все белорусы из Польши уедут в Беларусь. В 1948 году белорусское образование вычеркнули из общей образовательной системы, но через год, в 1949, оно возродилось. Тогда воспитание на национальном языке начало развиваться, и это развитие продолжается по сегодняшний день.

В те годы под «белорусским образованием» понимались школы, где полностью все предметы преподавались на белорусском языке. В 1972 году произошла перемена. В школах, где учатся дети представителей национальных меньшинств, все преподавание перешло на польский язык. У нас остался только предмет «белорусский язык».

В 1947 году в белорусском образовании участвовало 11 тыс. детей. На сегодняшний день только 2 тыс. школьников учатся в начальных белорусских школах и гимназиях, и тысяча молодых людей воспитываются в лицеях, где преподается белорусский язык. Эти цифры можно назвать символическими, а ситуацию трагической. Наша молодежь на 99% ассимилированная. Между собой они разговаривают на польском языке. Основным кругом белорусского образования стал родительский дом: отец и мать, дедушка и бабушка разговаривают на белорусском языке и передают это детям. Но школа этого не дает.

Мирослава Лукша, прозаик, журналистка еженедельника белорусов в Польше «Нива»

— Раньше у нас были школы. Но когда деревня начала вымирать, молодые люди стали переселяться в города. В центрах гмин построили современные хорошие школы с компьютерами. Автобусы привозили туда детей из деревень, которых с каждым годом становилось все меньше. Белорусский язык преподавался только в некоторых из этих школ.

Например, у нас есть деревня Залуки. Там ушла на пенсию учительница, которая преподавала белорусский язык. С этого года там нет уроков белорусского языка, потому что некому

учить. Раньше белорусский язык изучался со второго класса до восьмого. Например, дочь моей сестры изучает белорусский язык, а сын нет, потому что для этого родителям надо было написать заявление. А в наше время такое заявление писать не надо было. После проверки Контрольной палаты это стало необходимым.

Яуген Вапа, редактор еженедельника белорусов в Польше «Нива»:

— Необходимость такого заявления еще можно понять в обычных школах. Но и в тех школах, где каждый ученик обязан изучать белорусский язык, родители тоже должны писать заявление. Это вызвало наше возмущение. Проверка Контрольной палаты по времени совпала с атакой на «Ниву». Это была атака на всю белорусскую общину. Все белорусские организации протестовали. В одном из номеров «Нивы» был опубликован их открытый протест. Белорусская общественность Белосточчины, несмотря на свои взгляды и позиции, подписалась под этим протестным заявлением.

Проблема обучения всегда была очень серьезной. Она начала обостряться в 1972 году, когда стали говорить о том, что обучение белорусскому должно быть добровольным. А кто согласится что-то изучать добровольно? Сегодня среди директоров школ в Бельске и Гайновке царит очень нервная атмосфера.

Ганна Кондратюк, журналистка еженедельника белорусов в Польше «Нива»:

— Белорусское обучение беззащитно. У нас нет организации, которая бы защищала интересы учителей и всех детей, которые обучаются белорусскому языку. Наши организации вроде бы заботятся об этом, но на самом деле они прогосударственные и не защищают наши права.

Яуген Вапа, редактор еженедельника белорусов в Польше «Нива»:

— Существенной проблемой нашей национальной общины является то, что мы не смогли создать целостного механизма защиты наших национальных интересов. Это сейчас основная проблема для нас. Не срабатывает механизм защиты собственных интересов во время конфликтов. Мы не умеем или не хотим защищаться. Часть белорусов не хочет, а часть боится защищать свои интересы. Многие боятся выступить против и открыто заявить о своих правах. Люди не понимают, что демократия − это тоже борьба. В демократическом мире надо бороться. Борьба — это неотъемлемая часть гражданского общественного

строя. Понимания этого среди нашего меньшинства, к сожалению, пока нет. А время работает против нас. Кроме того, известно, что любое образование в диаспоре отражает ситуацию на духовной родине. Если в Беларуси идет русификация – это отрицательный пример для наших детей и нашей молодежи. Они говорят: «Зачем нам учить этот белорусский язык, если в Беларуси на нем не разговаривают, а в Гродно нет ни одной белорусской школы?» Я сам восемь лет работал учителем истории и знаю точно, что это сильный аргумент. Люди смотрят на ситуацию в Беларуси. Мы – меньшинство, мы не те, кто должен бороться за белорусский язык в Беларуси. Мы должны бороться у себя. Когда наступили 90-е гг. и начался процесс становления белорусской государственности, то среди учеников и учителей очевидной была заинтересованность в белорусскости. Теперь все наоборот. И еще одна проблема — граница очень сильно затрудняет организацию поездок детей и молодежи в Беларусь. Мы понимаем, что национальное меньшинство не может существовать без контактов с духовной родиной, и для нас очень важными являются поездки белорусских детей в Беларусь. Пока все организуется собственными усилиями учителей, родителей. Для поездок используются личные контакты. Мы хотим, чтобы дети видели белорусский мир и слышали белорусский язык, а не русскую речь. Сегодняшняя Беларусь для наших детей – отрицательный пример.

Ганна Кондратюк, журналистка еженедельника белорусов в Польше «Нива»:

— В Белостоке во время последней переписи около 8 тыс. человек записались белорусами. Образование на белорусском языке есть только с 1995 года. Началось с детского садика, который работает уже 10 лет. В городе есть шесть классов, где изучается белорусский язык. Работает гимназия. В университете есть факультет белорусского языка. Всего в белорусском обучении задействовано около 150 детей. Это все благодаря усилиям родителей и инициативе учителей. Никакие городские учреждения и неправительственные организации нам не помогали. Проводились какие-то проекты, но их организаторами также были сами инициативные учителя. Кроме этого, ведется внешкольная работа, есть театр, танцевальный коллектив. Эта работа дополняет образование. Два раза наши белостокские ученики ездили на экскурсию в Беларусь. Экскурсия оплачивалась личными средствами родителей. Ездило около 70 человек, в том числе родители, дети, бабушки и дедушки, учителя. Провин-

ция ассимилируется молниеносными темпами. Не последнюю роль в этом играет процесс вымирания деревень. Но на этом фоне в Белостоке наблюдается интересное явление – на уроки белорусского языка своих детей посылают родители, большинство из которых уже ассимилировались. Они приводят детей в детский сад и потом сами у них учатся белорусскому языку. Это говорит о том, что наперекор всему белорусскость не вымирает. Это рождает в нас уверенность, что не все хотят ассимилироваться.

Яуген Вапа, редактор еженедельника белорусов в Польше «Нива»:

— На Белосточчине еще живут литовцы, украинцы, татары, русские, цыгане. Почти нет евреев, они все эмигрировали после войны или потом, в 1968 году, уехали в США. В Польше еще проживают словаки, чехи, немцы. Самые большие национальные группы — это белорусы и немцы. У немцев есть родина, которая защищает интересы польских немцев. С литовцами такая же ситуация, поскольку у них есть свое демократическое государство, которое местных литовцев защищает и помогает им. То же самое, но медленно, происходит с украинцами. А белорусы по отношению к другим меньшинствам в Польше находятся в самой худшей ситуации.

Свою роль играет и существующий политический раздел между левым и правым крылом в польском правительстве. Есть стереотип в головах людей, суть которого в том, что «левые политики защищают меньшинства, а правые относятся к ним враждебно». По крайней мере, это видно именно в Белостоке, где в самом городе у власти католическая польская управа.

— Печатаются ли во время выборов на белорусском языке бюллетени, предвыборные программы и т.д. для белорусскоязычного электората?

— Издавались листовки на белорусском и польском языках.

У нас три избирательные кампании – парламентская, президентская и муниципальная. На муниципальных выборах работал Белорусский комитет. Но на самых главных, парламентских, выборах, в сентябре, как такового отдельного белорусского комитета не было. Поляки думают, что все белорусы голосуют за левых, за тех, кто их защищает. Так будет и на президентских выборах.

Причем в этой избирательно-политической ситуации немалую роль играет Церковь — Польская православная автокефальная Церковь.

— Есть ли контакты между Православной церковью в Беларуси и местным православием?

— Есть контакты между церковными братствами. Но идейного единства нет. Когда в Минске вышла Библия на белорусском языке, я спрашивал у местных православных деятелей, почему они не пользуются белорусской Библией, почему ее нет в приходах? Ответ один. Церковь здесь имеет полонизаторский, польский характер, а не национальный белорусский. Хотя три четверти верующих православной церкви в Польше – это белорусы. Язык, которым пользуется православная церковь в Польше, и не русский, и не церковно-славянский. Проповеди ведутся по-польски. В моей деревне священник работает уже около 30 лет и проповедует на местном диалекте. Митрополит Польши Савва – украинец, а не белорус. Есть города, где действуют украинские православные приходы. Там служба ведется на украинском языке. Здесь, где живут белорусы, происходит просто полонизация церкви. Об этом можно прочитать в «Ниве». Там эта проблема освещается.

— Известно, что поляки-католики очень строго подходят к религии. Для них религия – это большая часть жизни. Белорусы, как и другие постсоветские народы, православные только «слегка», и больше внимания уделяют традициям и обрядам. Местные православные в этом не исключение?

— Религия — это личное дело каждого человека. Неподалеку от границы проживают и хорошо разговаривают на литературном белорусском языке белорусы-католики. Но они не чувствуют себя белорусами. Они чувствуют себя поляками, хотя говорят на белорусском языке. У нас на Белосточчине «белорус» значит «православный». Так здесь исторически сложилось, что вероисповедание – это то, что отличало белорусов от поляков. Во время межвоенного периода польский костел всех белорусов-католиков сделал поляками. Людям внушалось, что они не белорусы. Всех белорусских ксендзов, или если кто-то из них пробовал проповедовать по-белорусски, немедленно высылали в глубину Польши. Делалось все для того, чтобы белорусов-католиков не существовало. Костел однозначно сыграл на этих землях свою полонизаторскую роль.

Церковь с языковым отличием давала белорусам почувствовать, что они другой народ. Сегодня здесь единицы белорусских католиков. Они есть, но их очень мало. Есть территории, где они проживают компактно. Это приграничные районы.

В своей повседневной жизни они говорят на белорусском языке. Но если такому человеку сказать: «Ты — белорус», то можно и в морду получить, поскольку они себя называют поляками.

Ганна Кондратюк, журналистка еженедельника белорусов в Польше «Нива»:

Мне кажется, что очень большое влияние на нас имеет польский католицизм, и мы под этим влиянием становимся более религиозными, чем белорусы в Беларуси. У нас в школах есть три урока религии в неделю. Когда школьники идут к исповеди, в этот день отмечается праздник, люди не идут на работу и не учатся. Все это оказывает на нас большое влияние.

Яуген Вапа, редактор еженедельника белорусов в Польше «Нива»:

— Церковь, беря пример с католического костела, начала сильно ангажироваться в общественно-политическую жизнь. Церковь в Польше в этом смысле хочет сравниться с костелом. Она смотрит на то, как костел влияет на политические процессы и пытается подражать ему. Для того чтобы это понять, надо учесть, что коммунисты боролись с церковью после войны. После 1989 года церковь получила привилегии и льготы. Ей вернули землю, появилась свобода вероисповедания, возможность вести духовную работу в армии, тюрьмах и т.д. Вся эта работа велась по примеру, который давал католический костел. Самое интересное, что церковь все это получила, когда у власти были правые. Но все эти 15 лет церковь последовательно поддерживала левых, коммунистов, т.е. тех, кто ее уничтожал. Это парадокс.

— Сама церковь традиционно придерживается такой полонизаторской политики, или раньше ситуация была иной?

Виталь Луба, заместитель редактора еженедельника белорусов в Польше «Нива»:

— Если посмотреть на историю церкви после 1918 года, после возникновения Польши и развала России, то видно, что церковный клир был русским. На протяжении 20 межвоенных лет государство вело борьбу за то, чтобы оторвать польскую церковь от влияния Москвы. В 1925 году была оформлена автокефалия польской православной церкви, которая была дана константинопольским патриархом.

В последующем со стороны властей осуществлялось давление, направленное на полонизацию церковных структур. После второй мировой войны борьбы с полонизацией церкви не было, поскольку была борьба с религией как с «опиумом для народа».

С постепенной полонизацией всего общества полонизировались и некоторые части жизни церкви. Я вспоминаю, что когда у нас проводились уроки Закона Божьего, то батюшка разговаривал с нами по-русски. Но теперь здесь все батюшки говорят по-польски. Раньше все проповеди были по-русски, теперь проповеди или чтения из Евангелия ведутся по-польски. После второй мировой войны Польша получила немецкие земли на Западе. Туда переселилась часть местного населения и часть украинцев. Там начали организовываться православные приходы, но церковный язык – польский. Например, во Вроцлаве литургия и все богослужение ведется по-польски. Несколько лет назад собор епископов польской автокефальной церкви принял и узаконил перевод всех литургических текстов со старославянского на польский язык. Так что уже в некоторых церквях на западе Польши эта традиция служения литургии на старославянском языке сменяется литургией на польском языке.

7 сентября, Белосток

Олег Латышонок, научный сотрудник Кафедры белорусской культуры университета в Белостоке, председатель Белорусского исторического общества, член Правления Белорусского союза в Республике Польша

— Я преподаю историю Великобритании, Польши и Беларуси.

— На каком факультете вы преподаете историю Беларуси?

— На филологическом факультете Белостокского университета, на кафедре белорусской культуры. У нас есть еще восточно-славянский институт с русской и белорусской филологиями. Украинской филологии нет. Белорусы тут присутствуют исторически и сами добились того, чтобы белорусское образование было.

— Расскажите про вашу научную кафедру и научную деятельность белорусов Белосточчины. В ваших исследованиях участвуют только белорусы или также польские историки и исследователи?

— Это довольно сложный вопрос. Мы создаем белорусское научное общение в Польше отдельно. Поляки-историки пишут свою историю Польши, а мы пишем свою историю Беларуси. Наши дискуссии на этот счет довольно просты. Но можно сказать, что сейчас в Белостоке формируется одна из белорусских школ историографии.

В Беларуси есть минская и гродненская историографические школы, которые отражают видение истории минскими и

гродненскими историками. Думаю, что третья школа – это белостокская. Но она не имеет своего завершения в институтах. С 1993 года работает Белорусское историческое общество, с 1997 года действует кафедра белорусской культуры. К сожалению, на несколько лет отложен проект создания белорусского института. Это было бы учреждение, которое могло бы инициировать исторические исследования. Но климат для этого неблагоприятный. Мы надеемся, что создание Белорусского института когда-нибудь снова обретет актуальность.

— Чем белостокская школа историографии отличается от гродненской и минской?

— Отличия обуславливаются тем, что мы, белостокские историки, имеем польское образование. Мы знаем польские постулаты и подходы к истории, но знаем также белорусские. Этим мы и отличаемся. Находимся на границе двух народов и двух культур. Историю мы видим и глазами польских историков, но имеем свою интерпретацию, свой взгляд на события, поскольку мы белорусы. И еще наш подход к истории не советский.

Белорусские школы имеют другие образцы, другую методологию. Мы ближе к западно-европейскому историческому подходу. Я считаю, что это наш козырь.

Я как историк читаю и кириллическую литературу, и написанную на европейских языках. У нас всегда равное количество кириллических и латиничных источников. В то время как в Беларуси пользование «не кириллической» литературой очень ограничено.

— Польская история в интерпретации белорусских историков сильно отличается от польского научного взгляда?

— Очень сильно. Я не сказал бы «искажается», но поляки совершенно по-другому интерпретируют различные моменты истории. Например, события, которым мы даем негативную оценку, они называют положительными. Например, то время, когда Польша была великим государством, стоило нам потери национальной элиты, обезглавливания нации. Для нас этот период не был таким «благоприятным». Для поляков это пример самого высокого взлета, а для нас – низкого падения. Учитывая такие моменты, понимаешь, что объективно невозможно найти общую историю. Это можно сделать на уровне истории искусства, материальной истории, истории социума и развития городов. Но когда дело касается политической истории, то наши мнения рас-

ходятся. Все наши герои в межвоенный период сидели в польской тюрьме. Этого не изменишь.

— Сколько людей занимается историческими исследованиями?

— В нашем обществе около 20 человек. Большинство из них — профессиональные историки. Все они белорусы. Они и составляют белостокскую школу белорусской историографии. Сами поляки в меньшей степени занимаются историей Беларуси. Я думаю, что польской школы истории Беларуси не существует.

— Как вы оцениваете белорусистику вообще, Рышарда Радзика, например? Есть ли школа белорусистики в Польше?

— Это наш коллега, мы с ним во многом соглашаемся. Школа белорусистики существует на филологическом уровне, немного на литературном. В этой сфере также работают филологи-белорусы, а не поляки. Любая школа белорусистики не смогла бы существовать, если бы в ней не работали белорусы.

— Какие у вас отношения с белорусскими историками? Вы с ними в контакте?

— С белорусскими учеными у нас очень хорошие контакты. Мы часто видимся на конференциях, составляем совместные проекты, у нас есть общие планы. Мне кажется, что это сотрудничество могло бы быть намного более развитым. Можно было бы осуществлять громадные совместные проекты.

— Как вы оцениваете ситуацию с атакой на белорусскую газету «Нива»?

— Я считаю это провокацией властных структур.

— Структур местного уровня?

— Нет, государственного. Местные власти не могли бы себе позволить организовать такую провокацию без разрешения из Варшавы. Я не считаю, что польские власти или кто-то в польском правительстве сел и решил, что надо с нами «расправиться». Но, по-моему, есть какие-то силы на уровне государственной власти, заинтересованные в этом. Потому что только на таком уровне можно предпринимать действия против белорусов Белосточчины. Не только я, но и многие из нас, те, кто анализировал ситуацию, связывают эти проблемы с позитивными для нас результатами национальной переписи.

Перепись была в 2002 году. Белорусов оказалось 50 тыс., в то время как все говорили, что нас будет только 20 тыс. Белорусы — это единственное национальное меньшинство, которое живет на определенной территории и является там боль-

шинством. Такие территории, где белорусы составляют большинство, размещены на приграничной территории. Сейчас это граница не только Польши, но целой межгосударственной системы. Поэтому мне кажется, корни ситуации надо искать там. Кроме того, я хочу подчеркнуть, что у власти сейчас посткоммунисты. Когда мы говорим о власти, надо помнить, что эта власть посткоммунистическая. А среда «Нивы» — это люди, которые связаны с оппозицией.

— Как вы думаете, будет ли эта ситуация иметь последствия?

— Последствия уже есть. Люди боятся. На последних выборах мы не смогли организовать работу Белорусского избирательного комитета. Это можно объяснить только делом «Нивы». Сейчас практически все председатели белорусских организаций находятся под судом. Люди видят, что их преследуют ни за что. Никто не видел даже бумаг, за которые их судят. Это сигнал для всего общества. Как белорусам нам разрешается только «танцевать и плясать». Это все, что нам разрешено.

— А чем это грозит?

— Ну не любят нас. Что тут сделаешь? Это граница. Все знают, что везде, где проживают люди разных национальностей, существует конфликтная ситуация. Тем более, когда рядом живут люди разного вероисповедания. Есть периоды, когда людям этих национальностей живется лучше, а есть периоды, когда этот вопрос становится причиной конфликтных вспышек. В Польше так практически всегда: либерализация – конец либерализации – застой – революция и т.д. Это касается не только белорусско-польских отношений. Просто так в этой стране происходит.

— Можно ли это назвать шовинизмом?

— Да. По-моему, это шовинизм, когда людей только за то, что они другой национальности отдают под суд.

— Если сравнить ситуацию с тем, что было год назад. Ведь Польша уже год является членом Европейского Союза…

— Ситуация ухудшилась, поскольку тогда мы говорили о деле, которое только начинается, а теперь мы видим его результаты. Уже нет Белорусского избирательного комитета. В Парламент баллотироваться мы уже не будем.

— Через год будут местные выборы. Вы планируете принять в них участие?

— Мы пробуем, прикладываем усилия для этого.

— В ЕС есть еврокомиссар по национальным меньшинствам. Вы сообщаете ему о ситуации?

— Мы счастливы, когда такие комиссары нами не интересуются… Здесь был когда-то чиновник областного уровня. Вел себя как пан, говорил, что нам надо делать. Мы сначала просили, чтобы его назначили, а потом год работали, чтобы его отозвать. А тот, который есть сейчас, нас устраивает, потому, что он ничего не делает. И нам не мешает.

— Вы дали резкую оценку. Если такая оценка прозвучит публично, это вам чем-то грозит?

— Грозит. Может быть, меня и не посадят в тюрьму, и власти открыто ничего не сделают против белорусов, но если это станет известно, то здесь, в польском обществе, я буду подвергаться критике. Это есть уже и сейчас. Мы решили, что пока дело «Нивы» не будет закрыто, мы о делах Союза поляков в Беларуси официально высказываться не будем. И мы не хотим критиковать Польшу для того, чтобы сделать приятное Лукашенко.

— Как вы думаете, какая причина конфликта вокруг белорусского Союза поляков?

— Белорусские власти ликвидировали все белорусские организации, а теперь ликвидируют польские. Это результат системы, ее сущности. Существующая власть не будет поддерживать какую-то независимую организацию. Этого от нее ждать бесполезно.

— Вступление в ЕС как-то сказалось на жизни белорусского сообщества и приграничных регионов?

— Я не заметил никакого влияния или каких-то перемен, с этим связанных. Я и не ждал этих перемен. Я был против вступления в ЕС, поскольку считаю, что это не решает никаких наших проблем. ЕС – это симуляция деятельности.

— Есть ли в Польше какая-нибудь партия, которая отстаивает интересы национальных меньшинств?

— Нет.

— Во время конфликта с Союзом поляков здесь, в Польше, также была проведена информационная кампания. Это повлияло на отношение к местным белорусам?

— Польская пресса сыграла в этом отвратительную роль. Она подогревала антибелорусские настроения.

— Против белорусов вообще или против режима?

— Начали с режима, а потом стали «раскручивать» тему, и со временем это перешло все границы. В особенности «Газета

выборча», самое крупное в Польше издание, заняла ярко выраженное антибелорусское направление. Например, название статьи – «Уничтожить поляков», которая рассказывает о том, что в Беларуси уничтожают поляков. А простые люди не думаю, кто это делает, Лукашенко или кто-то другой.

— На Гродненщине после кампании в белорусской прессе, начали учащаться случаи проявления антипольских настроений и высказываний. А здесь эта антибелорусская кампания повлияла на настроения людей?

— Например, на интернет-форумах встречаются высказывания вроде «не нравится здесь – уезжай в Беларусь». Это самые мягкие формулировки. «Нива» пишет про случай нападения с применением огнестрельного оружия.

— Если в Беларуси победит демократия, или Беларусь войдет в Евросоюз, изменит ли это отношение польского правительства к белорусскому национальному меньшинству?

— Я не знаю ответа на этот вопрос. Но я могу сказать одно, что когда Беларусь будет демократической страной, а не европейским изгоем, нам будет намного проще. В Беларуси никто не будет душить белорусское национальное движение, так как сейчас это происходит, белорусская власть не будет примером врага для Польши... Мы все ждем этого с нетерпением. Нам сразу станет легче. А как это будет? Я не жду много от властей. Но я надеюсь, что и смена власти в Польше позитивно повлияет на нашу ситуацию.

— Польша заступается за поляков в Беларуси, которых ущемляет власть. А Беларусь за белорусов Белосточчины заступается?

— Надо считаться с тем, что среда вокруг «Нивы» — это люди, за которых лукашенковские власти никогда не заступятся. Кроме того, такая «защита» будет «на руку» нашим недоброжелателям.

7 сентября, Белосток

Евгений Чиквин, депутат Сейма от партии Союз левых демократических сил

— Как Вы оцениваете ситуацию с православными и с белорусами в регионе? Есть ли недоброжелательность и напряженность?

— Есть моменты, которые формировались веками. Мы на границе западной и восточной традиции Христианства. Многие

века национальное сообщество здесь придерживалось православия. Наши традиции, культура постоянно находились под угрозой западного преобладания, подчинения. Об этом говорят такие исторические явления, как Брестская уния. Моя жена написала докторскую диссертацию на тему «Белорусское меньшинство как стигматизованная группа», опираясь на теорию Гофмана. Из этой научной работы ясно, что мы, белорусы, проживающие в Польше, считаем себя, свою ситуацию и свою психологию группой «негативного назначения». Можно много об этом говорить. И даже если белорус в Польше не в состоянии назвать конкретных примеров и ответить на вопрос, в чем проявляется это негативное назначение, он просто скажет: «Они нас не любят». А что это значит? Многие этим вопросом не задаются.

Факты дает послевоенная история, действия польского подполья против белорусского населения, то, как дразнили наших детей, и более глубокая история наших предков. Моя дочка «приносила» из школы вопросы вроде: «Папа, почему мы кацапы?». Да, поляки нас называют «кацапы», а наши люди часто их называют «мятежники».

Были и более резкие проявления. Я знаю случаи, когда увольняли людей с работы по национальному или по религиозному признаку, недоброжелательность или замечания на уровне межличностных отношений. Поэтому мы и наша молодежь стараемся общаться в своем кругу. Это из-за того, что поляки (часто даже не намеренно) могут нас обидеть, уколоть и сами даже этого не заметят. Но все это сводится к одному – у поляков есть чувство превосходства над другими славянами. Не только над белорусами, русскими, но и над болгарами и др. Я думаю, это потому, что они чувствуют себя частью западной культуры и латинской цивилизации.

— Это шовинизм?

— Слишком сильное слово. Они просто думают, что принадлежали к этой цивилизации. Вообще это очень тонкий вопрос. Я думаю, что подобное явление универсально для тех мест, где проживают меньшинства. Подобная «астигматизация» довольно распространена. На этом фоне вырисовываются отдельные нюансы польско-белорусских отношений.

— Как вы можете описать уровень политического сотрудничества между белорусами-православными и католиками-поляками на местном уровне?

— Белорусы проживают компактно, и это к лучшему. В демократической системе учитывается сила электората. В нашей структуре государственного устройства на протяжении последних 7-8 лет возросло значение органов областного самоуправления. В их компетенции находятся дела здравоохранения, школы, образования, культуры. Это местный мини-парламент. Для того чтобы сформировать «свое правительство» на местном уровне, надо иметь 15 депутатов, т.е. большинство. В регионе, где проживают белорусы, – Гайновка, Бельск, Белосток – вопрос, кто будет править, левые или правые, депутаты часто решают с перевесом в один голос. Выходит, что этот решающий голос – белорусы. И было заявлено, что если в состав правительства не войдет белорус, то этого голоса политические силы не получат. Таким образом председатель Белорусского общества Сычевский вошел в правление.

Демократическая система вынуждает с нами считаться. Конечно, можно было сформировать правление и без белорусов, но поскольку есть наши представители, ситуация нормализуется. И есть хорошая перспектива.

— **Вы сказали, что большинство белорусов придерживаются левых политических взглядов…**

— Да, большинство. Но это будет меняться, когда будет больше молодежи. Я тоже сейчас представляю «левых». Это обусловлено исторически.

Оценка послевоенной ситуации (создания Народной Польши и т.д.) у наших людей отличается от той, которую имеют поляки. Послевоенные перемены белорусы восприняли позитивно. До войны мы были лишены возможности делать карьеру, существовало прямое преследование православной церкви. В 1938 году имели место массовые разрушения храмов. До Белосточчины это не дошло, а на землях южнее этих территорий было. В один месяц было разрушено 180 храмов. Кроме того, все помнят, как действовало польское подполье… А после войны такие деревенские дети, как мы, получили возможность ходить в школу. Перемены для поляков, как, например, ограничение их свободы, для нас не были такими важными, поскольку наши люди практически все жили в деревне. Здесь же не было так, как в Советском Союзе. Земля осталась в частных руках, не было колхозов, насильно никого никуда не загоняли. Белорусы считали так: раз нам разрешают ходить в церкви, дети могут ходить в школу (ценой было то, что они не могли себя прояв-

лять как белорусы), значит все хорошо. Старшее поколение восприняло эти перемены позитивно.

До войны люди жили очень бедно. Моя мама рассказывала, что она на Брестчине копала картошку у пана за один злотый в день. На один злотый можно было купить килограмм сахара.

В 80-х гг. местное население связывало «Солидарность» с католицизмом. Для многих белорусов это означало возвращение к тому тяжелому времени, которое еще жило в памяти. Структуры безопасности и партии это использовали и «подогревали». Поэтому большинство белорусов голосовало за левых. Но я думаю, что сейчас все будет меняться.

— Насколько кампания в польских СМИ, которая освещала ситуацию вокруг Союза поляков на Беларуси, имела негативные последствия? Негативные высказывания в прессе касались только режима Лукашенко или также белорусов, православных?

— Отвечая на вопрос, на чьей стороне симпатии польского общества, поляки уже много лет на первое место ставят американцев. На самом низком уровне цыгане. А белорусы, русские, евреи где-то недалеко от них. Кампания в прессе и ситуация вокруг СПБ усилила эти настроения. В Польше очень сильно развито чувство долга и взаимопомощи перед поляками, которые проживают за границей. Когда эта проблема только начинала обостряться, я сказал послу Беларуси: «Никто вас слушать не будет, даже если вы на сто процентов правы». Предстояли выборы. Любой польский политик обязан защищать диаспору. Это принцип. Все это накаляло атмосферу.

Хуже, чем давление на польскую общину в Беларуси поляки могли воспринять, только если бы кто-то оскорбил память Папы Иоанна Павла II, который для поляков святой. Последствия этого давления будут чувствоваться здесь и дальше, отношение к белорусам ухудшится. Но я надеюсь, что не будет каких-то резких проявлений.

СМИ в Польше в своем большинстве частные. Поэтому все, что последние 7-8 лет печатается про Беларусь, имеет негативных характер. Говорят только про Лукашенко. Ведь есть же и народ, и культура, и какие-то другие проявления жизни. Но нет. Если есть материалы про Беларусь — всегда негатив. Дошло до того, что некоторые преподаватели, которые ездят читать лекции в Гродно, берут с собой воду... Они думают, что там нельзя никуда выходить, потому что грабят и убивают, а с

собой надо брать пищу и воду. Это просто какой-то психоз.

Один мой друг поехал в Гродно и там пересел на автобус в Минск. Разговорился с водителем. Говорит ему: «У вас же тут крадут», а водитель ему отвечает: «Бывает, конечно, но не так, как Польше... ».

— Как отразилось на жизни национальных меньшинств вступление в Европейский Союз?

— Помощь из бюджета Польши национальным меньшинствам не увеличилась. Помощь и до этого была примерно такая же. Национальным меньшинствам выделялось около 6 млн. злотых. Я во втором чтении внес поправку, в результате чего на 700 тыс. злотых эта сумма была увеличена. Но даже для нашего Министерства культуры это очень небольшая сумма. Нельзя сказать, что это ничего не значит, поскольку все наши издательства работают за счет бюджетных средств.

Закон о национальных меньшинствах, который был принят, в перспективе даст положительные результаты. Он дает право размещать двуязычные надписи, но для этого надо разрешение местных советов. Ни одна гмина пока такого решения не приняла, и, по моим наблюдениям, не собирается. Люди старшего поколения не хотят «дразнить гусей» и добиваться этого своего права.

— После вступления в ЕС политика в отношении эмигрантов в Польше как-то изменилась? В особенности к белорусам, которые хотят стать гражданами Польши?

— Я думаю, что существенно в этом плане ничего не изменилось. Я знаю, что Польша принимает чеченцев, которые просят политического убежища. Но у нас по отношению к ним такие же стандарты, как и в Европе. Статус беженца получить непросто.

— Трудовая эмиграция из Польши великаы?

— Велика, особенно среди молодежи. После вступления в ЕС поляки получили возможность работать во многих странах. А через два года для трудовой эмиграции будет открыта и Германия. Поскольку у нас большая безработица – около 20%, многие едут работать в западные страны.

— Сегодня в Польше делами национальных меньшинств занимается Министерство внутренних дел, а раньше – Министерство культуры. С чем связана эта перемена?

— Принимался новый Закон, и по нему все дела национальных меньшинств надо было передать Министерству внутренних дел. Если бы их негативная реакция была более актив-

ной, то, возможно, этого удалось бы избежать. Я был против. А организации, в том числе и белорусские, просто проспали. Когда Сейм разослал им этот проект Закона с просьбой высказать свое мнение, большинство вообще не ответило. Негативные оценки начали звучать только тогда, когда Закон рассматривали в третьем чтении.

Министерство внутренних дел курировало эти вопросы до войны. Люди это помнят, и их это настораживает. Я думаю, что эта перемена не к лучшему, но принципиально возражать против этого нельзя. «До войны было плохо» — это не аргумент в сегодняшней ситуации. Наверху все были довольны, что национальные меньшинства не протестуют.

— Какие плюсы и какие минусы может принести эта перемена?

— Плюс в том, что структура, которая занимается национальными меньшинствами, сосредоточена в одном министерстве. Там работают чиновники, профессионалы, которые и ранее занимались этими вопросами. Некоторым людям из Министерства культуры предложили перейти работать в Министерство внутренних дел и продолжать заниматься вопросами национальных общин. Дела религии у нас также курирует Министерство внутренних дел.

7 сентября, Белосток

Мартин Рембач, председатель Центра образования «Польша-Беларусь» и

Яуген Вапа, редактор еженедельника белорусов в Польше «Нива»

Мартин Рембач, председатель Центра образования «Польша-Беларусь»

— Имел ли конфликт вокруг еженедельника «Нива» резонанс в обществе?

— Этот конфликт получил очень широкий резонанс благодаря белостокской газете «Курьер поранны». Тираж газеты расходится, прежде всего, в самом Белостоке. Но это региональная газета, которая распространяется во всем Подляском воеводстве. «Курьер поранны» разместил несколько очень агрессивных статей в адрес «Нивы».

«Курьер поранны» читают в Белостоке. Что еще хуже — газета продается в регионах, в Гайновке, в Бельске-Подляском, где, собственно, и проживает белорусское меньшинство в своей основной массе. Но те, кто был заинтересован проблемой мень-

шинств, а также представители национального меньшинства – белорусы в Гайновке, Бельске-Подляском, эту газету могли купить и почитать. Они познакомились с такой интерпретацией ситуации вокруг «Нивы», которую представил «Курьер поранны».

Публикация дважды навредила меньшинству. Люди, небезразличные к проблемам меньшинства, в провинции купили газету, прочитали и сделали свои выводы о проблеме «Нивы». Их выводы основывались только на том, что писал «Курьер поранны». В Польше газетам верят. А с другой стороны проблема получила особую остроту в Белостоке, поскольку это самая важная газета города. С этой проблемой познакомился и польский читатель.

— Что там было написано?

— Газета представила проблему следующим образом. Есть белостокское отделение Высшей Контрольной палаты. Эта структура, которой средний польский гражданин доверяет, поскольку она (в теории) является независимой от власти и аполитичной. Но на практике это не совсем так, поскольку председателя Контрольной палаты избирает польский Парламент (Сейм). Но все-таки Палата следует принципам независимости, и в общем можно сказать, что она независима от политиков. В статье была ссылка на рапорт Высшей Контрольной палаты по результатам контроля в газете «Нива». Статья была написана в скандальной форме. На передовице был заголовок: «Унесенные «Нивой». В первом предложении было написано, что «Нива» может вообще исчезнуть, поскольку обнаружены существенные нарушения в использовании дотаций Министерства культуры. Было написано, что имели место случаи выманивания денег, что «Нива» пробовала выудить деньги следующим образом – писала проекты, в которых завышала цены, и подавала их в Министерство. Далее говорилось, что все эти нарушения могут стать причиной полного исчезновения «Нивы».

Если кто-то пишет о том, что газета может исчезнуть или вообще быть закрытой, то у читателя сразу создается впечатление, что имели место огромные денежные хищения. В Польше газеты обычно не закрываются. Закрытие может быть наказанием только за очень большие нарушения.

В итоге из той статьи можно было понять, что люди, которые издают «Ниву», украли деньги. Назывались суммы, которые обычному белостокскому читателю кажутся довольно большими. Квота

— 190 тыс. злотых, попытка получения 100 тыс. злотых. В общем, вырисовывается сумма около 100 тыс. долларов.

Текст статьи был составлен тенденциозно. На первой полосе было написано о нарушениях, о проверке Контрольной палаты и о том, что газета может быть закрыта. Материал был проиллюстрирован – плывут бумажные кораблики из газеты «Нива» вдаль. Смысл такой, что «Нива» «поплыла». В польском языке «поплыть», значит то же самое, что в русском языке выражение «песенка спета».

Таким образом, на первой странице были негативные факты и рапорт Высшей Контрольной палаты. А все то, что говорила «Нива» устами Евгения Мироновича, что заявляли члены программной Рады «Нивы» и издатели в свою защиту, было напечатано отдельно на второй полосе.

— Какой вред это принесло?

— Мне кажется, что самый большой вред был нанесен белорусской общине. Белорусы, которые эту статью прочитали в Белостоке, в Гайновке, в Бельске, подумали, что окружение «Нивы» действительно украло деньги. Другие поняли, что на белорусов совершается атака и в связи с этим надо быть осторожней. Поляки могли так среагировать – вот «русские, кацапы, украли деньги». Можно было бы этот вопрос исследовать, но исследований никто не проводил.

Но то, что творилось на интернет-форумах газет, свидетельствовало о том, что значительная часть польских читателей этот текст прочитала и именно так все и поняла.

— Что писали на форумах?

— Больше всего высказываний было на форуме «Газеты выборчай». Там писали разжигающие национальную ненависть слова: «кацапы украли деньги», «кто это видел, чтобы Польша еще такую газету финансировала», «ану давайте в Беларусь», «русские собаки» и т.д. Такие голоса раздавались. Это были личные высказывания. Но это одна из наиболее частых форм, в которые выливалась реакция.

Обозреватель «Нивы» Мацей Холодовский задал вопрос в прокуратуре: «Если такие вещи на сайтах имеют место, то не должна ли прокуратура этим заняться?» Госпожа прокурор ответила, что она ничего не знает и до нее не доведено об этом. Мацей Холодовский сказал, что он ей доводит, и вручил распечатки этих форумов. На заседании прокуратуры был журналист «Газеты выборчай», он быстро пошел в редакцию, рассказал,

что происходит, и высказывания были из Интернета убраны.

Так что эти статьи принесли много вреда. Я бы сказал так: в том, что ситуация вокруг «Нивы» всем стала известна именно как «афера», виноват «Курьер поранны». Остальные газеты пробовали подойти к этой проблеме деликатно, но ни одна из них не показала проблему с точки зрения «Нивы». Никто не сделал попытку хотя бы узнать точку зрения «Нивы» на эту тему. Остальные газеты, возможно, и не были такими агрессивными, писали статьи короче…

Спустя полтора года по этому делу стала работать прокуратура и давать широкую информацию по делу «Нивы». Хотя в Польше принято так — пока прокуратура занимается каким-либо делом и не вынесено окончательное решение, высказываний по этому делу избегают. Ответ прокуратуры обычно такой: «Не подтверждаем и не отрицаем», или «Подтверждаем, что дело ведется». В случае с «Нивой» Прокуратура активно информировала прессу о том, как идет процесс. Неоднократно говорилось о том, что людям из «Нивы» угрожает от 2 до 8 лет. Дело еще не дошло до конца, а они уже говорят, что будет – до восьми лет лишения свободы. Но, конечно, потом дополняли, что «так может и не быть», однако в прессу шла именно эта информация – «восемь лет». СМИ все время это повторяли, и ситуация снова обострялась. С одной стороны, белорусское меньшинство читало эту информацию и понимало, какое наказание их ждет за дело с газетой. Вся эта акция имела эффект угрозы белорусской общности.

Яуген Вапа, редактор еженедельника белорусов в Польше «Нива»:

— Прокуратура накручивала дело, а потом сама заявила, что «ни один злотый не был украден». Просто была «финансовая путаница», но деньги никто не крал. А проблема на самом деле в том, что польский бюджет поздно перечислял газете деньги. Министерство культуры, которое тогда нас финансировало, не имело к нам никаких претензий. Они давали нам деньги в июне-июле, а нам в вину ставили то, что мы этими деньгами расплачивались в январе. Надо было платить с июня до октября. Но нам надо платить в течение года, потому что газета выходит круглый год.

Сейчас это соглашение оформляется с января по декабрь. Получается, что нас обвиняли в том, что Польское государство сделало ошибку. Не мы, а Польское государство! А нам угрожа-

ли восемью годами тюрьмы, и это в то время, когда, по их словам, ни один злотый не был украден. Это подтвердила сама прокуратура.

Обвиняемых всего 11 человек. Из них 9 – председатели всех белорусских организаций, которые есть в Белорусском союзе. Сейчас получается, что все белорусское независимое демократическое движение парализовано. Мы не можем идти на выборы, поскольку все находятся под следствием. Прокуратура предлагает нам признаться в своей вине и получить год условного срока, при этом называет нас «хорошими людьми» и признает, что «ни один злотый украден не был». Мы не соглашаемся, потому что нашей вины нет.

За это мы платим — выборы идут, а белорусское общественное движение не может создать своего избирательного комитета. Все сидят тихо. Мы не можем ничего делать.

— Если Министерство культуры, которое вас финансировало, не имеет к вам никаких претензий, получается, что это политический заказ?

— Да.

— Если пострадала ваша репутация, нельзя ли как-то отстоять свои права?

— Дело в том, что никто из неправительственных польских организаций, из организаций по защите прав человека, партий – никто нас открыто не поддержал. Мы обращались в Хельсинкский комитет в Варшаве с просьбой нам помочь. Нет.

Вы понимаете, какое разочарование! Я в 80-х гг. участвовал в польском антикоммунистическом движении. Я верил, что Польша – это правовое государство. Я боролся с коммунистами. А сегодня по заказу над нами совершается политический процесс!

— Кто заказал?

— Это для нас вопрос без ответа. Мы не знаем, кто заказал, кому это было надо. Но мы знаем, что это политический заказ. Например, прокурор, который взялся нас обвинять, сразу же пошел на повышение… Все развивалось по готовому сценарию. Мы догадываемся, но я не могу сказать об этом открыто. Мы думаем, что какие-то силы хотят дестабилизировать ситуацию на границе Евросоюза. Кто-то хочет эту границу сделать «горячей» и заинтересован в конфликте на этой территории.

Еще в 90-х гг. Самуэль Гантингтон написал книгу «Столкновение цивилизаций» и самыми конфликтогенными регионами он назвал, во-первых, Балканы, а во-вторых, Гродненщину и

Белосточчину. По его мнению, конфликтогенность здесь — следствие столкновения двух цивилизаций: восточного и западного Христианства. На границу цивилизаций накладывается и геополитическое разделение. НАТО и СНГ, Евросоюз и Союз Беларуси и России и т.д.

— Есть ли тут какое-то стремление объединиться с Беларусью?

— У белорусов в Польше таких планов нет.

— Если Беларусь когда-нибудь войдет в Евросоюз, то вообще границы не будет.

— Это мечта.

Мартин Рембач, председатель Центра образования «Польша-Беларусь»

— Кто-то хочет, чтобы белорусское меньшинство тут на Белосточчине было подконтрольно. Мне кажется, что, пока в Польше левые силы, посткоммунисты у власти, это будет продолжаться. Был момент, когда белорусское общественное движение могло превратиться в политическую силу. Возможно, преследование «Нивы» было давлением на людей, которые могли бы отразить политические взгляды белорусского меньшинства и сделать возможным создание независимого белорусского движения на Белосточчине. Мне кажется, что дело «Нивы» было провокацией левых. Его могли спровоцировать и правые политические силы. Правые могут думать так: «Пусть эти кацапы голосуют за СЛД – это не проблема. Проблема может появиться тогда, когда они начнут голосовать за себя». Такая независимость была бы существенной. Но это, подчеркиваю, только мои домыслы. Нет никаких фактов, чтобы это подтвердить.

— Вы часто употребляете слово «кацап». Мы знаем, что русских так называют. Но вообще-то это унизительное слово. В Польше и белоруса подразумевают, когда говорят «кацап»?

— Да. Под этим словом подразумеваются все православные, те, кто говорят не по-польски и пришли с востока. Даже если бы грузин говорил по-русски, все равно он «кацап».

Яуген Вапа, редактор еженедельника белорусов в Польше «Нива»:

— Временами мы можем посмеяться сами над собой и произнести это слово. Раньше белорусы на русских говорили «кацапы». Короче, чем дальше на восток, тем больше кацапов. В современном контексте это значит «восточник», тот, кто пришел с востока.

Проблема в том, что эти земли раньше были самыми экономически отсталыми. Государство сюда не инвестировало. Сорок лет здесь велась политика, направленная на «обезлюдивание» этих территорий. Власти хотели, чтобы белорусы отсюда уехали вглубь Польши. И они давили на белорусов разными экономическими факторами. Сюда не вкладывались инвестиции. Здесь проводились самые ужасные эксперименты, как, например, создание колхозов. Большинство колхозов в Польше было создано именно на этих землях. Людям не давали землю, не давали средств на технику, меньше платили за работу. В то время как в польской деревне, буквально через дорогу, все было иначе. Причиной было то, что здесь компактно проживало 300 тыс. белорусов. Тогда и сейчас все говорят, что этот район – зеленые легкие Польши. Это значит, что здесь можно только высаживать лес, а людей отсюда надо убрать. Так было. И сейчас эта экологическая концепция считается самой прогрессивной.

— Как белорусская община может показать государству, что поддерживает Польшу не меньше, чем поляки?

— Доказывать, что я не верблюд, я не буду. Мне кажется, что все, что мы сделали за эти годы, ярко свидетельствует о нашей позиции.

Мы, наше поколение, хотели показать, что поляки с белорусами могут договориться, вместе жить и работать. Все шло хорошо. А в один момент оказалось, что все наши совместные проекты местного уровня никому не нужны. Наверно, лучше, чтобы на Белосточчине было два мутных аквариума: один поляки, другой белорусы, но только чтобы между ними не было ничего общего.

У нас нет настроений, направленных на создание собственной автономии. Мы хотим иметь право только на культурное самоопределение.

— Действительно, есть четыре уровня самоопределения – культурное, этнокультурное, самоопределение этнокультурного сообщества, автономия и сецессия – это полное отделение. Получается, что ваш уровень не опасен для Польши.

— В Польше есть семь национальных меньшинств – белорусы, немцы, литовцы, украинцы, евреи, словаки и чехи. Эти общины живут как минимум 150 лет на территории Польши. Они имеют связи со своей духовной родиной. Национальное меньшинство, такое, как мы, белорусы, согласно польским законам, это меньшинство, которое имеет отношения со своей ду-

ховной родиной, как мы с Беларусью. А этническое меньшинство – это те, кто своей родины не имеет. Это, например, кашубы, у них свой язык, своя история, своя письменность, но у них нет государства.

В 1989 году мы заявили, что белорусы о своих делах могут и должны говорить сами. Культура, проблемы языка, образования – все эти проблемы мы можем решать самостоятельно. Мы хотим участвовать в муниципальных выборах, и для этого существует наш Белорусский избирательный комитет.

— Хотите ли вы создать политическую партию по этническому принципу?

— Белорусская партия есть – Белорусское демократическое объединение. Это объединение обеспечивает присутствие белорусов на политическом поле. Польское законодательство это допускает. Белорусское меньшинство единственное среди меньшинств в Польше, которое имеет свою политическую партию. Мы принимаем участие в выборах – это наша политическая деятельность. Из-за дела «Нивы» в этом году белорусы не смогли принять участия в политических кампаниях.

— Что в ситуации с «Нивой» могут для вас сделать коллеги из Беларуси и международные организации?

— Самое важное – это та поддержка, которую мы почувствовали, когда началось дело «Нивы». Мы получили огромную моральную поддержку из самой Беларуси и от белорусской диаспоры во всем мире. В адрес польского Сейма, президента, премьер-министра и министра иностранных дел шли письма, в которых писалось, что белорусы и белорусская диаспора обеспокоены фактом преследования «Нивы» и тем, что издателям всего лишь за бухгалтерскую ошибку угрожает такое серьезное наказание. Таких писем были десятки, были присланы десятки подписей. Для нас это было свидетельством того, что, когда белорусов в Польше «бьют», белорусы во всем мире к этому небезразличны. Это показало белорусскую взаимопомощь и белорусскую солидарность. За нас заступились не только белорусы, но и некоторые поляки. Правда, их были единицы. Для меня лично важным моментом было то, что за нас подписался Тадеуш Гавин – основатель Союза поляков на Беларуси. Его поддержка была очень важной, поскольку он понимает, что такое атака на национальные меньшинства. Он поставил за нас свою личную подпись.

— Обратили ли внимание на ситуацию польские правозащитные организации?

— Нет. Ситуацией поинтересовался сенатор Рамашевский – известный правозащитник. Он приезжал к нам с женой. Потом он написал письмо по нашему делу министру юстиции. В этом письме сенатор заявил, что такое поведение по отношению к нам он считает неадекватным. Другие организации по правам человека, как, например, Хельсинкский комитет, не обратили никакого внимания на ситуацию с «Нивой».

— А вы туда обращались?

— Да, туда обращался профессор Евгений Миронович. Но его обращение осталось без ответа.

— А европейские организации?

— Специально в европейские организации мы не обращались. Но копии писем, которые мы направляли в польские структуры, на английском языке посылались в европейские органы – в Европейскую комиссию, Европейский парламент и т.д.

Когда начнется судебный процесс, то присутствие людей из Беларуси, наших друзей, знакомых, которые приедут, чтобы быть с нами, будет для нас большой поддержкой. Нам хотелось бы, чтобы про дело «Нивы» узнали правозащитные организации в Европе и обратили на него внимание.

Сегодня Прокуратура фактически сняла все обвинения и заявляет, что ни один злотый не был украден. Почему же тогда продолжается преследование?

Польские СМИ создали негативную атмосферу по отношению к нам. Мы, конечно, рассчитываем на справедливость суда.

8 сентября, Гайновка

Михась Андрасюк, председатель правления Белорусского Форума самоуправления в Республике Польша.

— Вы – один из обвиняемых по делу «Нівы». Не могли бы рассказать более подробно, что такое программная рада еженедельника «Ніва» и почему все, кто в ней состоит, находятся под следствием?

— Газета должна иметь владельца. В ответ на вопрос, кому будет принадлежать «Ніва» была создана программная рада. Белорусские организации рекомендовали в раду своих представителей. Среди этих организаций «Белорусское историческое общество», Литературное объединение «Белавежа», «Белорусское демократическое объединение», БАС, журналисты и др.

— Эти люди получают деньги за то, что являются членами рады?

— Нет, это целиком общественная, безвозмездная деятельность. Никто не получает денег за работу или за свое присутствие в программной раде. Я бы не сказал, что рада ведет активную деятельность. Практически этой деятельности вообще нет. Все решает редакция и, прежде всего, главный редактор. Хотя теоретически программная рада имеет влияние на газету, может принимать решения, подсказывать, она участвует в утверждении кандидатуры главного редактора.

— Как вы оцениваете ситуацию с «Нівой»? В чем видите причину преследований? Какими могут быть последствия?

– Абсолютно точно, что мы полностью не знаем, что произошло. Поэтому не можем дать объективную оценку событиям. Существуют различные варианты этих оценок. Возможно, сыграли свою роль чьи-то амбиции в Белостоке или в нашем воеводстве. Возможно, поступил сигнал из Варшавы, что «Ніву» надо немного «прижать». Мы не знаем. Мы можем только догадываться. В любом случае – дело незаурядное. Мы не занимаемся масштабной политикой. Наша политика имеет местное измерение. Если бы «Ніва» ограничивалась в своих материалах только фольклорно-этнографической тематикой, то, возможно, этого конфликта и не было бы. Но в этом случае и белорусов в Польше тоже практически не было бы. Существовал бы один танцевальный коллектив… Действительно, были какие-то неточности в бухгалтерии. Но они есть практически в каждой фирме и в каждой организации. Доказательства этому можно найти в рапорте Контрольной палаты, которая проверяла более 120 фирм и организаций и нашла подобные нарушения и ошибки практически в каждой из них. У некоторых погрешности были даже большими, чем в «Ніве». Но под суд попала только программная рада.

— Почему так затянулся судебный процесс?

— Причиной этому может быть ситуация вокруг Союза поляков. В Беларуси осуществляется давление на польскую организацию. Думаю, что инициаторы дела «Нівы» сейчас также зашли в тупик и не знают, как эту проблему разрешить и когда это сделать. Я не знаю, чем все это закончится. Варианты есть разные…

— В прошлом году в Польше был принят Закон о национальных меньшинствах…

— Да, но он не имеет никакого отношения к делу «Нівы». Нам объясняют, что дело «Нівы» – результат того, что этот закон в Польше действует.

— Закон как-нибудь помог белорусскому национальному меньшинству?

— Я не вижу никаких результатов. Закон разрешает нам некоторые вещи, и ни к чему нас не обязывает. Например, разрешается устанавливать двуязычные надписи. Но установят эти надписи или нет – это уже наша забота.

— В чем состав преступления газеты «Ніва»?

— Я уже отмечал – ошибки в бухгалтерии. Известно, что «Ніва» выходила за счет дотаций Министерства культуры. Обвинение состояло в том, что программная рада, составляя проект на следующий год, просила 600 тыс. злотых, а газету можно было издавать и за 400 тыс. Получается, что мы хотели «выманить» у государства 200 тыс. злотых. Это абсолютный абсурд. Если бы «Ніва» получила те деньги, которые просила, то газета, возможно, была бы цветной, было бы лучшее качество печати и бумаги. Журналисты получали бы цивилизованные зарплаты. Сейчас они работают (по польским меркам) за очень маленькие деньги. Можно было бы купить новую мебель, новые компьютеры. Потому что мебель в «Ніве» помнит времена 60-х гг., а компьютеры – просто «дедушки». Вообще так принято, что если «Нива» просит 500 тыс., то получает только 250 тыс. злотых. Это правило действует не только по отношению к нашей газете. Обычно на проекты выдают только 50-60% от суммы, которую просят заявители.

— Отразилась ли кампания в польских СМИ, освещавших давление на Союз поляков, на отношении к местным белорусам? Имела ли эта кампания негативные последствия для белорусов в Польше?

— Польские масс-медиа очень четко разграничивали два понятия – «белорусская власть» и «граждане Беларуси». По крайней мере, я ни разу не слышал в польских медиа высказанную негативную оценку белоруса как человека. Никто простых белорусов не называл врагами национальных меньшинств – поляков, татар, русских или кого-то еще. Польские СМИ показывали ситуацию таким образом, чтобы читатель, зритель или слушатель мог понять, что конфликт существует не между жителями страны, а между властями и польскими организациями. Сами представители СПБ, которые приезжали в Польшу и временами высказывались в польских СМИ, обращали внимание на то, что они имеют большую поддержку в самой стране. Их поддерживает белорусское общество и белорусские неправительственные организации. Я никогда не слы-

шал, чтобы белорусы, как народ, негативно относились к полякам в Беларуси и к СПБ в частности.

— После того как вы стали обвиняемым по делу «Нівы», к вам изменилось отношение?

— Я почувствовал сильную поддержку со стороны белорусской диаспоры. Меня поддержали белорусские организации в Польше. Хотя не все. Если говорить про обычных жителей Белосточчины, то я рад, что на нас не смотрят как на злодеев. Многие не поверили обвинениям. Я рад, что после всего этого нас воспринимают нормально.

— Польша является членом ЕС. Какие изменения произошли за это время?

— Перед вступлением в ЕС у нас как у национального меньшинства были очень большие надежды и оптимизм. Мы надеялись, что со вступлением в европейские структуры наше положение изменится к лучшему. Мы думали, что появится возможность пользоваться европейскими фондами, финансовой поддержкой со стороны европейских структур. Пока наши ожидания не оправдываются. Белорусские организации со вступлением в ЕС перемен не почувствовали. Мы находимся на самой окраине Евросоюза. Эффект почувствовали жители западной Польши. Там можно каждый день ездить на работу в Германию, а на ночь возвращаться домой. Немцы приезжают в Польшу за бензином и лечат зубы у польских стоматологов. Но это все на западе, а на востоке без изменений. Плюсы от вступления получили фермеры и местное самоуправление. Фермеры (все, кто хотел) получили конкретную финансовую помощь, которая исчислялась согласно фиксированной квоте за каждый гектар земли. Фермеры в Гайновском повете в целом от Евросоюза получили около 10 млн. долларов. Эта сумма примерно равна годовому бюджету нашего повета. Положительный эффект вступление дало и местному самоуправлению. Сейчас в Гайновке ремонтируется улица, которая находится во владении местного самоуправления. Цена ремонта – 1 млн. евро. Практически все деньги город получил из фондов Евросоюза. Ремонт закончится в следующем году, и это будет самая красивая улица города. Существуют конкурсы, на которые самоуправление может подавать свои проекты. Например, если гмина хочет построить у себя очистительный сток, канализацию, дорогу, улицу или отремонтировать школу, то самоуправление составляет проекты и подает их в фонды. Хотя возможности у белорусских гмин в

этом плане небольшие, поскольку они бедные, а в бюджет проекта надо внести и свои средства. Если гмина представит проект на 10 млн. евро, то 2 млн. надо искать самостоятельно. Это не всем по карману. Наши медицинские сестры выезжают на работу в Англию, Норвегию, Италию. Как граждане Евросоюза они могут там получить работу и хорошую зарплату. Думаю, что через несколько лет это станет большой проблемой. Раньше получить место медсестры в гайновской больнице считалось большой удачей, а сейчас там много свободных мест. Так, что вступление в ЕС – это «палка о двух концах». Хорошо, что люди могут поехать, заработать. Но плохо то, что у нас в результате возникает проблема нехватки специалистов.

9 сентября, Гайновка

Евгений Янчук, председатель Белорусского демократического объединения в Польше, преподаватель истории.

— Конфликт с Союзом поляков широко освещали польские СМИ. В этих репортажах говорилось только про белорусский режим, или про белорусов вообще? Повлияла ли информационная кампания на отношение к белорусскому меньшинству?

— Польские масс-медиа прежде всего делали акцент на белорусский режим и власть. О белорусах в общем говорилось хорошо: белорусский народ и оппозиция хотят иметь нормальное государство, где главным был бы закон. Белорусы как народ показывалась позитивно. Беларусь как страна, где вся власть у А. Лукашенко показывались по-другому. Государственное устройство, которое существует в Беларуси, было показано в отрицательном свете – это факт. Но это не коснулось белорусов как народа.

— Это имело негативные последствия по отношению к здешним белорусам?

— Некоторые наши организации хотели бы быть большими поляками, чем сами поляки, «более католическими, чем сам Папа Римский». Те, кто никогда не говорил о том, что происходит в Беларуси, сейчас обратились с предложением, чтобы белорусские организации на территории Польши подписали одно заявление. Суть этого заявления в том, что все поддерживают деятельность Союза поляков и критикуют правительство А. Лукашенко.

Дело в том, что большинство белорусских организаций на Белосточчине выступают за то, чтобы в Беларуси была демократия, за то, чтобы Беларусь стала нормальной страной с нор-

мальными юридическими отношениями. Они на протяжении последних нескольких лет критически относились к тому, что происходило в Беларуси. И тут в какой-то момент кто-то хочет вынудить их еще раз на этом сделать акцент. Зачем?

Факт, что одна организация на территории Польши имеет пролукашенковскую позицию. Но мы живем в демократическом государстве, и тут каждый имеет право на собственное мнение.

— Что это за организация?

— Это «Белорусское общественно-культурное товарищество» («БГКТ»). Даже не столько сама организация, сколько ее председатель высказывается в духе того, что «в Беларуси настоящая демократия, а в Польше демократии нет».

— Можно ли сравнить руководство этой организации с Т. Кручковским в Союзе поляков на Беларуси?

—Не совсем. Т.Кручковский считает себя «русским поляком». Он всегда с восхищением смотрел на Россию. То, что там происходило, для него всегда было примером. А к событиям в Беларуси или в Польше он относился так, поверхностно... Это обыкновенное «холопство». Как только он стал председателем, Союз поляков перестал заниматься своей основной деятельностью, а занялся тем, чем у нас занимается «БОКТ» — организацией праздников, конкурсов, танцами, песнями и т.д. СПБ не провело ни одной акции, которая своей целью имела бы пропаганду культуры среди молодежи или увеличение числа детей, которые учатся польскому языку. Союз поляков практически перестал сотрудничать с неправительственными организациями в Беларуси – это тоже результат подходов Т. Кручковского. Примером для Тадеуша Тадеушевича стал Александр Григорьевич.

— А как вы оцениваете его исторические работы?

— Он когда-то преподавал историю древнего Востока и историю балтийских стран Европы. Но из его лекций я больше узнал, что писали К. Маркс, Ф. Энгельс и Ленин, чем истории древнего Востока.

— Говорят, что у него есть историческая концепция, суть которой в том, что белорусов вообще не существует...

— Это очень созвучно с общегосударственной концепцией. Т. Кручковский утверждает, что белорусы появились только после Октябрьской революции и в ее результате.

Тогда, когда я его знал, он еще так сильно не акцентировал внимание на этом, не говорил открыто, что белорусов как нации не существует.

— А где вы слышали его лекции?

— Он был моим преподавателем. В начале 90-х гг. я начал учиться в Советском Союзе и закончил в Республике Беларусь. Наш курс был единственным получившим дипломы с гербом «Погоня».

— Много ли с вами училось студентов из Польши, с Белосточчины?

— Моя группа была первой и в каком-то смысле экспериментальной. За год до моего поступления было подписано соглашение между Министерством образования Польши и Министерством образования БССР о сотрудничестве и о выделении стипендий для белорусской молодежи из Польши. Учиться поступало по 10 человек в год. Впоследствии соглашение было расширено – 10 человек могли учиться в Гродно, 10 человек в Минске. Со временем студентов, закончивших белорусские вузы собралось довольно много. Но это сотрудничество зашло в тупик, поскольку сейчас нигде не признаются белорусские дипломы.

— Могли бы вы немного рассказать об истории белорусского лицея в Гайновке?

— История этой школы в общеисторическом масштабе невелика – всего полвека. Школа образовалась в 1939 году, когда сюда пришли «советы» и начали здесь создание белорусской школы. После 1941 года пришли немцы. Белорусская школа продолжала работать. После второй мировой войны она просуществовала еще 2 года. Все предметы, кроме иностранного и польского языков преподавались по-белорусски. После 1947 года начали происходить перемены. Был создан белорусский лицей. Все занятия и там велись на белорусском языке. Спустя некоторое время преподавать по-белорусски в лицее начали только некоторые предметы. В 60-х гг. при лицее было создано несколько классов начальной школы. В 70-х гг. лицей стал таким, каким мы видим его сегодня. Помещение, в котором сегодня размещен Белорусский лицей в Гайновке, было передано нам в 1992 году. На сегодня по всем показателям это лучшая школа в повете и одна из лучших в воеводстве и в стране. Белорусский язык и литература преподаются здесь как предметы. Кроме этого, на белорусском языке ведутся некоторые лекции по истории и уроки Закона Божьего. Возможно, и не на классическом белорусском языке, а, скорее, на местном диалекте, которым пользуются местные жители. Католическая религия преподается на польском языке. Но детей католиков в лицее очень мало.

— Сколько в Гайновке учебных заведений и в скольких из них изучают белорусский язык?

— Есть наш лицей и гимназия, где все обязаны изучать белорусский язык. Есть еще школы в Гайновке, где дети дополнительно изучают белорусский язык. Родители пишут заявления, о том, чтобы их дети изучали этот предмет, и школа обязана организовать лекции белорусского языка. Кроме того, работают три начальные школы и две гимназии, где белорусский язык преподается как дополнительный предмет.

– Сколько всего в Польше образовательных учреждений, где изучение белорусского языка является обязательным?

— Два лицея и две гимназии.

— При преподавании истории, какой интерпретацией истории вы пользуетесь?

— Я пользуюсь учебниками, которые написали наши белорусские белостокские историки: профессор Евгений Миранович и доктор Олег Латышонок. В Беларуси, среди ученых-историков, которые не связаны с государственной идеологией, эти учебники вызвали очень позитивные отклики. Их назвали одними из лучших учебников по истории Беларуси.

— Ваше сообщество работало над адаптацией белорусской истории к польскому образованию? Есть ли единый подход к истории в Польше и в Беларуси или хотя бы попытки к его выработке?

— У нас учителя имеют самостоятельность в школе. То, какими учебниками и какой программой я пользуюсь – это мое личное дело. Министерство образования мне это позволяет. Однако существует белорусско-польская комиссия по учебникам из представителей Министерств образования Польши и Беларуси. В рамках ее работы ведется выработка общей концепции истории, дидактики, подходов.

— Проблемы с «Нивой» и проверки в учебных заведениях каким-то образом повлияли на деятельность лицея? Возникло ли недоверие?

— Дети к нам приходят. Значит, верят нам. Это все, что я могу ответить на этот вопрос. Недоверия я не вижу. Однако некоторые люди старались показать это дело в отрицательном для нас свете.

— Как вы оцениваете положение белорусского национального меньшинства на Белосточчине? Какими вам видятся перспективы развития национальной общины?

— Напряженности между нациями, которые живут тут, на Белосточчине, фактически нет. Есть некоторые случаи, когда что-то такое удается заметить. Однако напряженности, которая была в свое время, сейчас нет. У белорусского национального меньшинства, которое тут проживает, — свои хлопоты. Прежде всего, это проблема ассимиляции. Хотелось бы, чтобы белорусы сохранили свою тождественность и поменяли менталитет, стали более отважными и научились максимально использовать возможности Закона о национальных меньшинствах. А также, чтобы власти нашей страны дали все возможные юридические права для исполнения этого закона. Реализация его на практике и перемены на Беларуси – только это сможет сдержать ассимиляцию. Хоть ассимиляция есть, и она будет продолжаться. Это явление общеевропейское и всемирное.

— На чем основывается белорусская идентичность?

— В этом регионе большую роль играет религия. Затем традиции. История белорусского государства в сознании местных белорусов пока большой роли не играет. Для них более значима история своей деревни, своей семьи. Религия и отличия в языке – то, на чем держится национальное сознание. «Сьвядомая» белорусская интеллигенция появилась здесь только в 20-30 гг. Она была немногочисленной. После войны появилась новая волна интеллигенции. Но надо учитывать, что большинство белорусов жили в деревнях. Они жили своим представлением о родине, языке, истории.

Гайновка, 9 сентября

Мирослав Романюк, предприниматель

— Как вы оцениваете экономическую ситуацию в регионе? Какими вам видятся перспективы?

— Есть демографическая проблема. Но обнадеживает то, что молодые люди, которые остаются в деревне, начинают инвестировать в хозяйство. Быстрыми темпами развивается агротуризм. Например, еще 2-3 года назад у нас было всего 14 «агротуристических квартир», а сейчас их уже 84. Я думаю, что это много. Одна такая «квартира» — это от пяти гостиничных мест. В «week-end» в нашем повете не хватает мест для всех желающих. Гайновские и беловежские отели могут принять два автобуса с туристами, но оказывается, что этого недостаточно. Сегодня сюда приезжает 3-4 тыс. туристов.

Природа — это то, чем наш район отличается от других районов Польши и остальных европейских стран. Пуща — это место, где можно отдохнуть в любое время года. Много молодых хозяев в деревнях это поняли и инвестируют в развитие своего хозяйства. Многим помогли кредиты, которые были выданы при вступлении в Евросоюз.

— А что изменилось со вступлением в Евросоюз?

— Раньше для людей в деревнях земля не имела ценности. Хватило одного года членства в Евросоюзе, чтобы люди поняли, что земля – это настоящая ценность, которая может приносить прибыль. Сейчас землю даром уже никто не отдает. Люди поняли, что это их собственность.

Изменились пути поиска финансов. Эти пути стали более бюрократичными. Надо оформлять больше бумаг. Но те, кто действительно хочет найти деньги, их найдут и получат кредиты.

— Какова динамика экономического развития в районе?

— В Гайновке живет около 25 тыс. человек. После реформ многие мастерские и фабрики закрылись. А те, которые продолжают работать, сократили количество рабочих мест. Работники зарабатывают немного, потому что необходимо, чтобы продукция была конкурентоспособной. Раньше на небольшой машиностроительной фабрике работало 300 человек, а сейчас только 150. Химическая фабрика после приватизации не закрылась, а поменяла владельца. Раньше там работало 700 человек, а сейчас 250.

Наша продукция ценится в Польше, поскольку она экологически чистая.

Строятся новые отели, развивается туризм. Причем видно, что в эти отели вложены хорошие деньги. И строятся они не на год и не на два. Люди сюда будут ехать. Со временем создастся туристическая инфраструктура, которая даст рабочие места.

— Какими вам видятся перспективы развития региона?

— Подлясское воеводство развито хуже, чем, например, Мазовецкое, Гданьское или Вроцлавское. Людям, которые здесь живут, всегда больше «доставалось». Они были вынуждены больше работать и сами о себе заботиться. Поэтому у местных жителей больше энергии, больше потенциала, они не сдаются.

Например, рабочих из наших мест всегда с удовольствием берут на работу, потому что они хорошо работают, стараются. Люди здесь хотели бы жить богаче, как другие. Но они любят эти места больше, чем те богатые земли. Даже выезжая на

заработки, все хотят сюда вернуться и жить здесь. И я хотел бы, чтобы дети мои жили здесь, чтобы умели говорить на диалекте. Качество земли здесь очень хорошее. Земля дорогая. Здесь можно жить. Сюда стоит инвестировать.

Гайновка, 9 сентября

Михал Байко, руководитель организации для людей с ограниченными возможностями.

— Работа проводится под патронажем православной Церкви. Эту площадку организовал конкретно наш приход Святой Троицы. Собор — это своеобразная визитка Гайновки. Тут Церковь организует помощь людям.

Этот дом — больница, часть которой принадлежит церкви, а часть – католическому костелу. Мы считаем, что сама церковь – это не только здание, священник и молитва, но также и милосердие, помощь тем, кто в ней нуждается. Мы не ограничиваемся только службами в церкви. Наша церковь следует той традиции, которая существовала в первых веках Христианства — помогать нуждающимся людям. Первый шаг, который мы сделали, – создали дом помощи «Самаритянин». Там живут престарелые люди, которые не способны сами за собой ухаживать. В этом доме сейчас находится около 50 человек. Приют работает уже 8 лет.

Второе наше учреждение – это больница, в которой мы сейчас находимся. Она начала работать в декабре 2004 г. Главная задача нашей работы — научить людей с ограниченными возможностями какому-нибудь делу. Дома за ними ухаживают родители, но часто такие люди даже не умеют сделать себе бутерброд или заварить чай. Родители все подают им на тарелочке. Но ведь и у родителей свой век. Придет время, и они сами будут нуждаться в помощи. Некоторые из тех людей, которые к нам приходят, даже не знают, сколько стоит хлеб. Они не ходят в магазин, потому что родители их стыдятся.

Православные в Польше так привыкли — все время прятаться. Они привыкли скрывать свою национальность, свою религию, особенно если находятся там, где большинство католиков и поляков. То же самое и у нас. Если у ребенка есть какая-то болезнь, то его прячут дома, в четырех стенах и не выпускают на улицу. Стыдятся соседей. Это большое несчастье. Такая проблема есть не только в Белостоке, но и в глубине Польши.

Но там, чтобы попасть на такое обучение, как у нас, надо стоять в очереди и ждать. Здесь все по-другому. Мы можем принять тридцать человек. Пока приходит только двадцать.

Мы ведем занятия. Главную свою задачу мы видим в том, чтобы приспособить людей с ограниченными возможностями к жизни и помочь им интегрироваться в общество. Мы хотим, чтобы они умели самостоятельно включить плитку, газ, сделать бутерброд, погладить, постирать и сделать другие необходимые для жизни вещи.

У нас есть рабочие комнаты, где мы их этому учим. Есть столярная комната, компьютерный класс, швейный, творческий кабинеты, реабилитационная комната. Я не хвастаюсь, но мы это делаем, и будем стараться делать свое дело еще лучше. 17 мая было официальное открытие нашего дома. На церемонию приехал Митрополит Савва — глава Православной церкви в Польше. На открытие мы пригласили соседей из католического костела, гостей из Белостока, Варшавы, сотрудников министерств. Митрополиту тут очень понравилось. Он даже еще раз к нам приезжал с официальным визитом.

Здесь принимают не только православных. Мы у людей не спрашиваем, откуда они приходят и кто они. Мы принимаем всех, кого обидела судьба. Мы стараемся, чтобы тут не было никакой дискриминации. Здесь также работают опекуны из прихода. Они наблюдают за работой.

В нашем воеводстве 15 таких учреждений и только одно из них организовала Церковь. У меня были большие трудности, чтобы оформить все бумаги и открыть этот дом. Для других подобных учреждений всю работу с документами и оформлением делают фирмы или учредители. Государство дает им деньги. У нас другой случай. Церковь выступила с инициативой и поставила своей задачей такую работу организовать.

Всего в Польше работает 350 таких домов, 5% из них — при католическом костеле.

— Сколько всего православных в этом регионе?

— Ассимиляция делает свое дело. В Гайновке примерно 60% православных. Вопрос: кого считать православным? Человека, которого покрестили родители, а сейчас он не имеет никакого контакта с церковью, в моем понимании, назвать православным нельзя. Церковь имеет свои каноны. Если человек не ходит в церковь, ничего не знает о церковной жизни, понятия не имеет, о чем священник говорит на проповеди, о чем просит,

о чем волнуется, какими проблемами живет приход, — такого человека нельзя назвать православным.

— А сколько православных во всей Польше?

— Трудно сказать. Были разные данные от 200 до 800 тыс. Но в нашей ситуации это немного. Согласно переписи, в Польше около 50 тыс. белорусов.

Никто в Польше не делал переписи о принадлежности населения к той или иной конфессии. В последней переписи был вопрос о национальности. Раньше говорилось, что православных в Польше больше, чем миллион… Статистика очень разная. Думаю, что сама православная Церковь ведет какой-то учет своих прихожан, но государство такой статистики не имеет.